

The poster features a dramatic, low-angle view of a city street with tall buildings. Several military-style helicopters are flying in a formation across the sky. The scene is bathed in a warm, orange light, suggesting a sunset or a fire. In the foreground, a large, detailed eye with a green iris is superimposed over the scene. The eye's pupil is dark and reflective. To the left of the eye, there are glowing, ethereal elements resembling a globe and other celestial bodies. The overall composition is dynamic and intense, typical of a horror or thriller movie poster.

ЧАРЛИ
ХЬЮСТОН

CPF ANTASTIKA

НЕСПЯЩЕ

Один из самых выдающихся мастеров литературного стиля,
выросших на традициях нуара двадцатого века.

Стивен Кинг

CPFantastika

Чарли Хьюстон

Неспящие

«Центрполиграф»

Хьюстон Ч.

Неспящие / Ч. Хьюстон — «Центрполиграф», — (СРFantastika)

Десятая часть жителей Лос-Анджелеса в альтернативной реальности мира компьютерных игр заболевает неизлечимой болезнью, лишаящей сна. Молодой полицейский Паркер Хаас, жена которого тоже больна, расследует дело о нелегальных поставках лекарства, облегчающего мучительные симптомы. Руководитель этих поставок, будучи офицером службы безопасности, охотится за Парком и одновременно за профессиональным убийцей Джаспером, также выслеживающим полицейского. Кто из них выживет в классической борьбе добра со злом?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Чарли Хьюстон Неспящие

Глава 1

Парк смотрел, как бездомный вплетается в паутину полуночного дорожного затора на бульваре Ла-Сиенга и выплетается обратно. Он не отрывал глаз от ярко-оранжевого АМ/ФМ-радиоприемника, который болтался на шее у бездомного на черном капроновом ремне. Такого же оранжевого цвета была форма у группы реагирования на НСП, зачищавшей дома. Парк закрыл глаза, вспоминая тот день, когда группа появилась на их улице у коричнево-зеленого коттеджа, недалеко от дома, где жил Парк, вой пилы, донесшийся из гаража, резкий взвизг, когда она наткнулась на кость.

Помехи, перемежаемые звуками техно, заставили его открыть глаза. Бездомный был у окна его машины, пританцовывал, переступая с ноги на ногу, шея недвусмысленно согнута и напряжена, в руке дрожит сделанная на заляпанной белой доске надпись:

БЛАГОСЛОВИ БОГ!!!

Парк смотрел на шею бездомного.

Люди, сидевшие в машинах вокруг него, тоже обратили на нее внимание, некоторые закрыли окна, хотя кондиционеры были запрещены.

Парк открыл бардачок, взял пригоршню мелочи и протянул было неспящему с безумным взглядом, как вдруг в нескольких кварталах от них взорвался террорист-смертник, от взрыва задребезжало ветровое стекло.

Парк дернулся, монеты выпали из руки, рассыпались по асфальту, и звон, с которым они ударились оземь и раскатились во все стороны, затерялся в отзвуках, отраженных от фасадов зданий вдоль проспекта, в вое сирен, когда разбились окна и припаркованные машины взрывной волной перевернуло на бок.

Когда монеты замерли на месте и бездомный опустился на четвереньки, чтобы собрать разбежавшуюся мелочь, Парк уже успел сунуть руку под сиденье за пистолетом.

Кобура с «Вальтером-PPS» была пристегнута к водительскому сиденью с нижней стороны большим куском липучки. Начищенный, смазанный, заряженный, в патроннике пусто. Ему не нужно было проверять, потому что он уже проверил пистолет перед уходом из дома. Парк достал пистолет из кобуры и сунул в боковой карман брюк.

Он вылез из машины, захлопнул и запер дверь, точно зная, что пробка не рассосется до рассвета. Он пробирался сквозь автомобили с плотно закрытыми окнами, за которыми неподвижно сидели и потели водители и пассажиры, когда улица внезапно погрузилась во тьму.

Парк остановился, на всякий случай потрогал пистолет и подумал о Роуз и малышке, прося замерзший мир защитить их, если он погибнет здесь. Но тьма не спровоцировала никаких новых нападений. А если и спровоцировала, они еще не начались. Скорее всего, это было просто внеплановое веерное отключение электричества.

Парк медленно продвигался между автомобилями, глядя, как мужчина в покоробившемся от пота костюме давит на гудок своей «ауди», что вызвало аналогичные протесты из окружающих машин. Или, может быть, они хотели заглушить крики, раздававшиеся из пылающего кратера на перекрестке.

Теперь одно это пламя освещало улицу, так как почти все водители выключили двигатели и фары, чтобы не тратить бензин. Он уже чувствовал на лице языки пламени, от жара которых натягивалась кожа. И ему вспомнился домик в Биг-Сюре, куда он отвез Роуз, когда они узнали о беременности еще до того, как ей поставили диагноз.

Там был камин. И они просидели у камина чуть ли не до самого рассвета и в первую же ночь сожгли запас дров на весь уик-энд.

Тогда у него было такое же ощущение на лице.

Он попытался вспомнить, как назывался коттедж, в котором они остановились. «Синяя птица»? «Синяя река»? «Синяя гора»? Точно что-то синее, но вот что?

«Синяя луна».

Название было написано прямо над дверью: «Синяя луна». С нарисованным маленьким сине-зеленым полумесяцем в окружении звездочек, при виде которых Роуз закатила глаза.

«Господи боже, это, типа, чтобы мы думали, как будто мы в каком-нибудь козлином Коннектикуте?»

Парк что-то ей ответил, какой-то шуткой, мол, не ругайся при ребенке, но, прежде чем вспомнил, что именно сказал, он угодил ногой в большую лужу чьей-то крови, которая вернула его в настоящее, к огню под самым его носом.

Дворники «Хаммера-НЗ», одного из немногих автомобилей, у которых уцелели стекла после взрыва, яростно бились, разбрызгивая очиститель, размазывая кровь. Они гоняли взад-вперед по оконному стеклу что-то похожее на скукоженный кусочек скальпа и ухо, а девушка в салоне вытирала с подбородка рвоту и кричала в микрофон беспроводной гарнитуры.

Глядя на человека на краю воронки, у которого пролетевшим обломком снесло всю челюсть, Парк задумался о том, почему инстинкт заставил его взять из машины оружие, а не аптечку.

* * *

Это был не первый террорист-смертник в Лос-Анджелесе. Он был первым только севернее Выставочного парка и восточнее шоссе I-5.

Звук детонации, прокатившийся по всей лос-анджелесской долине и хлынувший на холмы, заставил меня выйти на террасу. Не было ничего удивительного в том, что по ночам из Голливуда доносится треск выстрелов, но грохот взрывчатки в Западном Голливуде – это что-то новенькое. Этот звук располагал к задумчивости, а в тот раз напомнил мне о заряде си-четыре, подсоединенном к зажиганию черного «ситроена» вьетконговского полковника в Ханое, да и о других случаях из моей юности.

Предаваясь этим ностальгическим воспоминаниям, я вышел на террасу в тот самый момент, когда участок города между Санта-Моникой, Венис-Бич, Вестерном и Сепульведой погрузился во тьму. Я тут же поднял глаза к небу, зная по опыту, что зрение постепенно приспособится к темноте, и смотрел, как проявляются нечасто различимые созвездия.

Под этими звездами, обычно закрытыми чадрой, горел город.

Точнее, лишь небольшой его участок, но зато один из самых дорогих. Каковое обстоятельство, само собой, возымеет серьезные последствия.

В принципе я не возражаю, если бандам «Мэд свон бладз» и «Эйт трей гангстер крипс» охота закладывать противопехотные мины в Манчестер-парке или гангстерам из Авенидас и Сайпрус-парка стрелять из противотанковых гранатометов по бульвару Игл-Рок, но если смертники появляются меньше чем в миле от Беверли-Сентер, этого никак невозможно стерпеть.

Открыв вторую бутылку «Клю де Пап» 2005 года, я успокоился в уверенности, что штурмовые отряды Национальной гвардии при первых же лучах солнца ударят по южному и восточному Лос-Анджелесу.

Ничто так не поддерживает моральный дух широких слоев населения во времена ограничения свобод, как демонстрация силы. То, что демонстрация будет направлена в совершенно другую сторону и вызовет лишь еще большее недовольство, к делу не относится. Мы давно уже прошли этап, когда последствия оперативного вооруженного реагирования взвешивались заблаговременно. Любой, у кого хватало времени и средств, чтобы повесить на стену карту и утыкать ее булавками, мог без труда разобраться в том, что происходит.

Если красными булавками отметить акты насилия, совершенные теми, кого традиционно определяют как потенциальных преступников, против тех, кого обычно так *не* определяют; желтыми булавками – акты насилия, совершенные *между* людьми, традиционно определяемыми вышеуказанным образом; а голубыми булавками – акты насилия, совершенные военными и работниками правоохранительных органов в форме и (или) со значками, *над* людьми, определяемыми вышеуказанным образом, то можно ясно увидеть узор из плотно посаженных желтых булавок в окружении голубых, сосредоточенных далеко на юге, востоке и севере от самой элитной лос-анджелесской недвижимости, где, в свою очередь, начали рассыпаться редкие оспины красных булавок.

Именно обширность территории, занятой желто-красными актами насилия и голубыми ответными мерами, относительно крошечной площади, засеянной красными крапинками, заставляет задуматься.

По зрелом, да и по незрелом размышлении казалось, что гнойники болезни неумолимо распространялись, подавляя слабое сопротивление недействующей вакцины, разнося заразу по артериям города, пробираясь все дальше, сколько бы раз хирурги ни поднимали линию ампутации на истерзанной конечности.

Ирония, заключенная в том, что это был *симптом* болезни, а не *сама* болезнь, никогда не вызвала у меня смеха. В перспективе конца света вообще мало смешного.

Но все-таки я ее понимал. Иронию и то, что болезнь, убивавшая нас, не обращала никакого внимания на классификации и границы, которые так четко определяли для многих, кого и почему они должны убивать.

Болезни не было дела до класса, расы, дохода, вероисповедания, пола или возраста. Казалось, что болезни было дело только до того, чтобы не дать никому закрыть глаза и сделать всех очевидцами этого. Чтобы любые твои кошмары посещали тебя только наяву. Болезнь считала всех нас равными и хотела, чтобы мы разделили одну и ту же участь.

Она хотела, чтобы все мы лишились сна.

Я мог спать.

Но в ту ночь решил бодрствовать.

Решил вместо этого налить еще стакан неплохого ронского вина, устроиться в шезлонге и смотреть, как горит этот маленький, дорогостоящий кусочек города.

Я знал, что впереди нас ждет худшее.

7/7/10

Сегодня Бини сказал, что, мол, Хайдо знает «того чувака». Я не переспросил, и это несколько обнадеживает. Хайдо сделал заказ, и я поехал на фарм, чтобы подогнать товар (сто 15-миллиграммовых спансул с декстроамфетаминном). Он спросил, не хочу ли я колы, и я задержался, успел просмотреть все сообщения и наметить еще пару доставок. Бини тоже там был, договаривался насчет продажи золота, которое нафармил, но в основном просто торчал без дела с ребятами. Хайдо пустил декс по кругу, и все начали читать спид-рэп и при этом мочили зомби и все такое. Один из них (по-моему, его зовут Чжоу, но надо посмотреть в записях) сказал, что его двоюродный брат перестал спать. Другие парни стали рассказывать про своих неспящих. Бини спросил, может, из моих знакомых тоже кто-нибудь не спит. Я сказал, да. Потом все еще малость потрепались, и тот парень (Чжоу?) сказал, что разместил объявление в электронной газете, что меняет Рыцаря Некроманта сотого уровня на «дрему», чтобы отдать ее двоюродному брату, но ему ответил только один мошенник. Вот тогда-то Бини посмотрел на Хайдо и сказал: «Слышь, Хайдо, а как насчет того чувака?» Хайдо как раз занимался обменом в «Бездне Приливов». На мониторе его главный персонаж в Пурпурном Гроуте собирался сбыть золото Темному Буяну, как только один из парней подтвердит, что поступила

оплата через PayPal. Но как только Бини заговорил, все сразу замолкли. Только Хайдо в наушниках говорил с Буяном в микрофон, что еще за двадцать евро он отдаст ему Жезл Хаоса. Он вел себя так, будто не слышал, что сказал Бини. Но все-таки он на него взглянул. И Бини стал закрывать свой макбук и сказал, что ему надо сматывать. Я сунул телефон в карман, допил колу и сказал ему «пока».

Бини был моим первым клиентом на ферме. Мы познакомились на вечеринке на Хиллхерсте. У него полно знакомых. Он им нравится. Если он говорит, что Хайдо знает «того чувака», наверняка так и есть.

Во всяком случае, я ничего не сказал. Просто вышел с ферма следом за Бини. Мы поговорили, пока он снимал с замка свой велосипед и надевал шлем, налокотники и наколенники. Он сказал, что ищет опиум. У него слабость к старым голливудским фильмам, и он где-то прочитал, что Эррол Флинн так описывал курение опиума: «Как будто твою душу массируют норковыми варежками». Теперь и ему хочется попробовать. Я сказал, что подумаю, как это устроить. Потом он покатил на север по бульвару Эвиэйшн, наверное, в пончиковую «Рэндиз донатс».

Я пометил себе, что надо поспрашивать насчет опиума. Потом еще пометил, что надо просмотреть список знакомых Хайдо, о которых я знаю.

Закончил с доставками.

И когда я возвращался домой – террорист-смертник.

Я сделал все, что мог. Остановил кровотечение у мальчишки, чтобы довезти его до больницы. А уж что там с ним случилось, никому не известно. На дорогах черт-те что на несколько километров. После того, как появились спасатели и «скорые», я по большей части раздавал воду. Одна женщина поблагодарила меня, когда я дал ей бутылку воды, увидев, что она теряет сознание в машине. Очевидец сказал, что бомбу подорвала женщина, повстанка из деревни Нового Американского Христа. Он сказал, мол, она наверняка была из НАХов, потому что прокричала «что-то про сатану», перед тем как взорваться. Еще он сказал, что она шаталась, как пьяная. НАХи не пьют. Гвардеец сказал мне, что, судя по размеру образовавшейся воронки, похоже, она шаталась под тяжестью бомбы. Он сказал, что такие взрывы они видели в Ираке, когда подрывали заминированные машины. Я ответил что-то вроде: по крайней мере, он уже не там, а он спросил: «Издеваешься, что ли?»

Домой добрался почти к полудню.

Франсин пришлось оставить Роуз одну с ребенком.

Она сидела на заднем дворе со своим ноутбуком. На земле лежали всякие садовые принадлежности, но она залогинилась в свой аккаунт в «Бездне Приливов» и играла за своего мага элементарей Люцифру, опять пыталась в одиночку пройти Заводной Лабиринт.

Малышка лежала рядом с ней на одеяле под зонтом и плакала. Когда я подошел, Люцифру как раз расчленил скелет из медных шестеренок, проволоки и ржавых пружин. Бини говорит, что никто не может в одиночку пройти Лабиринт. Обязательно нужно присоединиться к гильдии, но Роуз не хочет даже и пробовать этот способ. Что неудивительно.

Она закрыла ноутбук, взяла лопатку и стала тыкать в сухую почву, подкапывая корень одного сорняка из тех, что заплонили сад. Я взял малышку на руки и спросил, как прошел день, и Роуз сказала, что она опять расплакалась буквально перед моим приходом. Сказала, что до этого девочка несколько часов не плакала. Но, по-моему, она просто так говорила. Потом Роуз стала рассказывать про сад своей бабушки, топиарии, огород, цитрусовые деревья, клубничную грядку и розовые кусты, в честь которых ее и назвали. Она сказала, что ей хотелось, чтобы малышка росла в саду, видела бы, как семена превращаются в растения. У нее был пакетик с семенами ноготков, которые она хотела посадить. Я держал малышку, пока Роуз рассказывала, и она немножко успокоилась. Роуз замолчала, посмотрела на меня и спросила, что это

у меня на одежде, и мне пришлось пойти в дом и почиститься, а когда я посадил малышку, она снова расплакалась.

Войдя в дом, я позвонил Франсин, и она извинилась, что ушла, но ей нужно было отвезти детей в школу. Она сказала, что Роуз вообще не спала. Сказала, что малышка, возможно, спала, но ее глаза так и не закрывались. Хотя пару часов после полуночи она лежала тихо. Я сказал ей: «Увидимся вечером» – и пошел в душ. Грязь под ногтями было трудно вычистить. Потом Роуз залезла ко мне под душ и попросила меня потереть ей спинку, и мне пришлось сказать ей, что она забыла раздеться. Она посмотрела на меня, потом на свою одежду, как будто не поняла. Потом поняла и расплакалась и попросила прощения. Я обнял ее. Она плакала, и ребенок плакал.

Вечером пойду повидаюсь с Хайдо.

Может, он и правда знает того чувака.

Глава 2

Парк понял, что на ферме случилась беда, когда увидел распахнутую дверь.

Дверь никогда не оставляли открытой.

Чтобы попасть внутрь, нужно было встать перед камерой, потом кто-нибудь внутри тебя узнавал, потом нужно было оставить отпечаток пальца на биометрическом сканере, а потом уже тебя пропускали внутрь под жужжание зуммера. Там ты оказывался в клетушке, и внутренняя дверь клетушки не открывалась до тех пор, пока внешняя дверь не была закрыта и заперта. Поэтому если бы кто-нибудь встал вне поля видимости широкоугольного объектива камеры и наставил бы на тебя ружье, пока тебя пропускают, и потом попытался бы войти вместе с тобой, то этот кто-нибудь просто оказался бы в клетке. А тот, кто находился внутри, мог уже решить, пристрелить его или отравить газом или поступить по-другому, смотря что посчитал бы лучшим в данной ситуации.

Но дверь была распахнута настежь.

А Парк был без оружия.

Во время таких визитов он оставлял пистолет под сиденьем своей «субару».

Он мог бы сходить за пистолетом. Но вдруг кому-нибудь внутри нужна помощь? К тому времени, как он дойдет до машины и вернется обратно, кому-нибудь внутри помощь, возможно, уже не понадобится.

Не то чтобы Парк все это продумал или взвесил варианты. Как только он увидел распахнутую дверь, его рука инстинктивно дернулась к тому месту на поясе, где он носил пистолет еще в то время, когда ходил в форме. А потом он вошел. Он вполне успел бы вернуться за оружием; внутри никто никуда не торопился.

Дверь клетки была открыта. Он посмотрел на окошко под потолком и не увидел никаких признаков того, что кто-то сидит в боксе за окошком. Он посмотрел на пол и увидел ряд красных смазанных пятен. Тонкие полоски, украшенные с одной стороны геометрическим узором. Полдюжины отпечатков краешка правой ноги, каждый бледнее предыдущего, шли от внутренней двери клетки и исчезали, не успев выйти на улицу.

Не обращая внимания на то, что след уводил в обратную сторону, он достал из кармана брелок с ключами, отцепил миниатюрный фонарик и сжал его в ладони; узкая рукоятка вывалилась из кулака сантиметра на два-три и годилась для резкого удара в висок, горло или глаза. Однако, пройдя в дверь клетки, уже в самом голдферме, он первым делом использовал фонарик для того, чтобы выхватить ярким лучом света мертвые глаза Хайдо. Парк хотел найти в них то, чего найти не мог, – запечатленное лицо убийцы.

Он мог бы заглянуть в глаза их всех. Все они были одинаково мертвы.

Хайдо. Тот, которого, как казалось Парку, звали Чжоу. Киблер, и Тед, и Том из Мелроуза. Нигде не было видно Тома из Окснарда, но он обычно появлялся там ненадолго, во всяком случае, насколько понял Парк.

Парк стоял над трупом Хайдо и думал.

Ему нельзя было быть здесь.

Быстро, производя как можно меньше беспорядка, он должен стереть свое пребывание в этом месте.

Он посмотрел на пол.

В комнате всегда стоял полумрак, чтобы мониторы не бликовали, пока парни занимались своим ремеслом, но теперь свет исходил от единственной уцелевшей спирали энергосберегающей лампы и единственного работающего монитора.

Отбрасываемый монитором свет мерцал разными оттенками зеленого и голубого: ночной лес, мертвое тело, пульсирующее эктоплазменным сиянием на переднем плане, злобещий

зомби, покачивающийся у опушки леса. Заколдованная роща, которую разрабатывал один из парней. Убивал орды зомби, одного за другим, собирал их скудные сокровища, складывал их во все разбухающем аккаунте, дожидаясь покупателя.

Парк осветил фонариком на пол, выбрал место, не забрызганное кровью, и встал как можно ближе к центру комнаты. Стоя в центре, он достал из кармана телефон и стал медленно поворачиваться на месте, фотографируя комнату через каждые несколько градусов поворота. Закончив, он аналогичным образом сфотографировал пол и потолок, не переставая жалеть, что не купил себе телефон с камерой помощнее.

Закончив фотосъемку, он опустил на колени рядом с Хайдо, нашел его «Блэкберри», открыл список контактов и удалил свой номер и адрес электронной почты, потом протер коммуникатор и снова положил его в карман мертвеца.

Затем взглянул на прикрепленную к стене лестницу, которая вела в бокс размером с гроб. Сейчас в боксе никого не было. Никаких ног, предательски торчащих из люка. Никаких следов стекающей по стене крови. Парк как-то присутствовал при том, как Хайдо велел одному из парней поменять диск в записывающем устройстве камеры наблюдения.

Его лицо есть на нескольких этих дисках, но это просто лицо, подумал Парк. В любом случае дисков было слишком много, чтобы тогда же их просматривать. Его биометрические данные внесены куда-то на жестком диске компьютера, но они связаны только с файлом JPEG с его лицом. Возможно, Хайдо хранил имена своих клиентов, но не стал бы записывать имя своего дилера нигде, кроме как в личном телефоне.

Во всяком случае, на это надеялся Парк.

Клиенты.

Парк осмотрел комнату: портативного оборудования на сотню с лишним тысяч долларов, кое-что изрешечено пулями, но на первый взгляд ничего не пропало. Хотя это ничего не значит. Истинные богатства этого предприятия не имели материального воплощения. И товар, и плата хранились в другом месте, на высокозащищенных иностранных серверах. Непосредственно они были связаны с «Уан Уилшир», телекоммуникационным центром в деловом районе города, где волоконно-оптические провода змеились по внешним стенам, вползали в окна, сливаясь в центральном стволе здания, и все это подключалось к тихоокеанским подводным кабелям. Чистая пропускная способность, напрямую соединенная с долговечным дальневосточным продуктом: целыми милями подземных бомбоубежищ, превращенных в кондиционированные серверные фермы. Работающие от купленных на черном рынке реакторов самые надежные интернет-провайдеры на планете. Бастионы, хранящие эфемерное, словно реальное, почти осязаемое.

Так что хотя в этой комнате не было ни золота, ни других сокровищ, добытых, отбитых и отвоеванных в онлайн-кампаниях, ни электронной оплаты, которую они получали взамен, все-таки ограбление могло иметь место.

Пароль, вырванный перед тем, как раздался выстрел.

Парк считал секунды, установив себе лимит еще в одну минуту, прежде чем ему нужно будет убираться.

Когда оставалось семнадцать секунд, он заметил это.

Прямо у подножия лестницы он обнаружил небольшую рабочую станцию. Широкоэкранный ноутбук «Делл-ХПС», соединенный кабелем с внешним жестким диском и больше не подключенный ни к чему. Ни к локальной сети, общей для всех остальных компьютеров в комнате, ни к принтеру, ни к какому-либо другому периферийному устройству. Один только кабель питания от сетевого фильтра, расположенного на панели рядом с восемью такими же, и внешний диск.

Парк перешагнул через труп Хайдо, размазав кровь на герметизированном бетонном полу. Он встал над ноутбуком и посмотрел на диск и на красный стикер со знаком биологической опасности, прилепленный на крышке корпуса.

За те месяцы, которые прошли с тех пор, как Бини свел его с Хайдо и он стал регулярно снабжать фермеров, он только раз видел, как пользовались этим ноутбуком. Сидя в одном из заляпанных «Ред буллом» рабочих кресел «Зоди», он перекладывал белые таблетки метокси из пакетика в пустую черную баночку из-под фотопленки и кивнул, когда Хайдо позвонили и тот сказал, что ему нужно ответить.

Не поднимая головы, по второму разу пересчитывая зверские таблеточки 5-метоксидии-зопропилтриптамина, он расслабил мышцы глаз, чтобы расширить периферийное зрение, как учил инструктор по самообороне, и краем глаза увидел, как Хайдо расстегивает молнию рюкзака, вынимает плоскую коробочку, украшенную одним красным кружком, и подсоединяет к ноутбуку, стоявшему в режиме ожидания. Закончив с этим, он стал говорить через беспроводную гарнитуру о таких вещах, как Указующая Десница Тирана, Амулет Тени, Рукавицы Кре-стоносца, о ком-то по имени Трад Редейв и больших количествах золота.

Парк взглянул на свои часы с самовзводом, не зависевшие ни от каких источников питания, помимо его собственных двигательных усилий.

Он пробыл в комнате больше пяти минут.

Он отсоединил USB-коннектор диска, обмотал короткий кабель вокруг корпуса и сунул в карман брюк.

Выйдя из комнаты, Парк задержался, чтобы сфотографировать один из частично отпечатавшихся следов, потом вышел под последние лучи неторопливого вечернего солнца, оставив дверь открытой, и не спеша направился к «Субару-WRX», припаркованной за мусоровозом, который почти скрылся под горой своего же мусора, в конус аллеи, выходящей на бульвар Эвиэйшн.

Не дело, если кто-нибудь заметит, что он бежит оттуда.

Даже в наше время полиция расследует убийства.

Парк сказал себе, что в этом и есть смысл сделанных им фотографий и кражи жесткого диска.

Но было и еще кое-что: Бини сказал, что Хайдо знает «того чувака».

А Роуз не спала уже больше четырех недель. И в тот же день ближе к вечеру, перед тем как снова уйти работать, он зашел в детскую и увидел, что она стоит над кроваткой плачущей малышки, приложив указательный палец к ее губам, и отчаянным громким шепотом старается ее успокоить, причем так давит пальцем на младенческую кожу малышки, что она побелела.

Звякнул телефон. СМС. Вызов:

дрмр отчт Зч/хаундз хайленд+фаунтен

Три часа. Парк прикинул расстояние, пробки. Может быть, он успеет перекусить. Если потом кое-где нарушит правила.

Все по порядку. Он открыл дверь с водительской стороны, сунул руку под сиденье и плавно оторвал кобуру вальтера от лоскута липучки. Забрав пистолет и диск, он открыл багажник. Распихав по углам разное барахло, снял чехол, накрывавший домкрат и другие инструменты, просунул пальцы под маломерную запаску и отогнул резиновую нашлепку, открывая внутреннюю часть вечно сдутой шины. Туда отправились пистолет, диск, часы, а оттуда появились пакетик с низкопробным экстази и пара флаконов валиума и демерола. Потом он положил чехол на место, разбросал барахло и закрыл багажник. Таблетки сунул под пассажирское сиденье, откуда их было легко достать.

Парк помедлил, задумавшись, не положить ли туда что-нибудь посуущественнее, чтобы никто не мог придрататься, когда найдет заначку, но решил не класть. Зачем выбрасывать свой лучший товар из-за всякой ерунды.

Пожалуй, дело не в том, что не стоит метать бисер перед свиньями. Но в нем по сию пору крепко сидели протестантские ценности его отца. В данном случае «Не трать напрасно». И точка.

Парк опять взглянул на часы.

Если выехать прямо сейчас, подумал он, останется время что-нибудь перехватить по дороге.

Но он сидел, положив руку на ключ зажигания, зная, что должен повернуть его и уехать, но на мгновение замер, стараясь вспомнить, какой был день недели и месяц.

Когда я встал на следующее утро, пламя уже потушили, над Ла-Сиенгой еще висело облако густого черного дыма, и мне вспомнилась история лос-анджелесской долины.

Бережно держа блюдце и кофейную чашку с эспрессо, я думал о том, как осушали здешние болота, и о клубах газа, наверняка витающих над ней. И о нефтяных месторождениях, которые открыли потом, о жирных струях промышленной вони. И о смоге в середине семидесятых, еще до каталитических нейтрализаторов и неэтилированного бензина.

Это небо в желтушных синяках больше уже никогда не возвращалось, но не из-за недостатка людского усердия. На дорогах творился настоящий кошмар, но дело было не столько в общем количестве автомобилей, сколько в том, что улицы перекрывались, потому что никто не ремонтировал и не убирал обломков после смертельных аварий, или в том, что им приходилось объезжать автоколонну гвардии, или наводнение из-за прорванной трубы, или оборванные провода линии электропередачи, или какую-нибудь группу демонстрантов, отчаянно протестующих против такого состояния дорог и магистралей.

Помимо всего этого, из-за высоких цен на бензин на дорогах появилось достаточно гибридов, а людям с низкими доходами пришлось попрощаться с личным автотранспортом, так что, если бы не периодические взрывы и не постоянная пелена дыма, наплывающая на город с низовых пожаров на юге, востоке и севере, качество воздуха, пожалуй, было бы наилучшим за многие годы.

Когда я думал об этом, я часто жалел, что купил дом в холмах, а не тот, который приглядел в Санта-Монике. Рано или поздно мы окажемся на последней линии обороны спиной к морю и по щиколотку в прибое. Не то чтоб мне особенно нравилось думать, что я буду очевидцем этой финальной сцены. Сказать так было бы большой натяжкой.

Большую часть дня я возился в саду и со своими коллекциями. Выставлял горшки и вазоны с растениями, то на солнце, то в тень, одни щедро поливал, другие только сбрызгивал. Подсыпал мульчи. Потом в доме обмахнул тряпкой холсты и гравюры, пару-тройку урн, мерцающие экраны двух видеоинсталляций, глядевших друг на друга в пустом холле, где, кроме них, ничего не было, отрегулировал увлажнитель, опасаясь, как бы не пересох воздух в комнате с оригинальными рисунками тушью. И наконец, с помощью клеенки и металлических щеток с мягкой щетиной и силиконовой смазкой удалил пыль и позаботился о том, чтобы снизить трение в движущихся частях моего многочисленного оружия. Это была самая трудоемкая из задач, к которой я прилагал наибольшие усилия. Не потому, что любил эти вещи, а потому, что понимал, что любая из них обладает гораздо большей способностью спасти мне жизнь, чем даже самый роскошный куст помидоров или самая живописная акриловая картина Мураками.

Закончив с работой к обеду, я смог устроиться в шезлонге, попивая вино и созерцая те самые помидоры, политые на тарелке бальзамическим уксусом. На секунду мне подумалось, что помидорный куст для меня более жизненно важен, чем оружейный арсенал. Потом поду-

малось, что опасность, которую представляет для меня оружие, больше опасности, которую оно может предотвратить. Мысль не новая.

Я представил себе, как потрясаю помидором в окружении противников.

В доме зазвонил телефон.

Деловой телефон.

«Добро пожаловать ко мне в кошмар» в качестве рингтона.

Я позволил себе закончить упражнение на визуализацию и представил себе миску с пулями, плавающими в ярко-красном соусе неизвестного происхождения. Аппетита она не возбуждала. Нет, у меня все шло так, как и должно было идти. Все ценности на месте. Такие, какие есть.

Я вошел в дом, и мои уши ощутили мельчайшее изменение давления, когда тонированные зеленые стеклянные двери закрылись за мной. Песня все не смолкала, и Элис Купер говорил мне, что, по его мнению, у него в кошмаре я буду чувствовать себя как дома.

Прямо как дома.

Я стоял у кубического стола из коллекции «Дадокс», мое лицо отражалось в хромированной поверхности, обрамленное сверху и снизу восемью телефонами, расставленными в два аккуратных ряда по четыре. Под этим углом, глядя вниз, я видел, что потолочные светильники в нишах идеально высвечивают полоску редющих волос на макушке от затылка до лба.

Я мысленно отметил, что надо передвинуть столик, чтобы убрать этот эффект, понимая, что такая перемена вызовет цепную реакцию и новые перестановки, ведь я старался поддерживать в комнате гармонию.

Песня все не смолкала.

Я смотрел на мигающий экран ярко-синего «Саньо Катана». Я назначил этот телефон конкретной клиентке не в приступе откровенной расистской иронии, но из-за того, что синий оттенок корпуса превосходно соответствовал цвету, которым, как мне довелось увидеть, были обведены нижние чешуйки дракона, вытатуированного по всей длине ее левой руки. И все-таки иногда случаются совпадения.

Я нажал кнопку.

– Вы долго не подходили.

Я чуть подпихнул «Дадокс» коленкой на пяток сантиметров вправо и посмотрел вниз, чтобы оценить воздействие этой перемены на мою разоблаченную залысину.

– Да.

– У вас были неотложные дела.

– Вы утверждаете.

– Что, простите?

– Вы так говорите, как будто утверждаете, что у меня были какие-то более неотложные дела, чем ответить на телефонный звонок, а не спрашиваете, так ли это.

Блики света все так же неприемлемо блестели на просвечивавшей коже моей макушки.

Если сдвинуть стол еще на пару сантиметров дальше, то потребуется не только сделать перестановку в комнате, но и выбросить несколько предметов мебели, а вместо них приобрести несколько новых. Мысленно я так и видел, как ударная волна распространяется по всем комнатам дома.

– Ну и?

Я обдумал ее вопрос, посмотрел на свое отражение, на миг задумался о своем тщеславии и покачал головой:

– Нет, не было ничего неотложного. Я просто тянул время.

– Впредь, если я буду звонить, не делайте этого, пожалуйста.

«Пожалуйста» она прибавила позднее, отдавая дань мастерству и оперативности, с которыми я выполнял свою работу. Возможно, кость любезности, брошенная в мою сторону, но я знал, что она далась ей не так просто. И я оценил это.

– Впредь я постараюсь отвечать без промедления, благодарю вас.

– Приезжайте, надо увидеться.

Я посмотрел сквозь стекло на дымящийся мир.

– Ночью кто-то взорвал Ла-Сиенегу. Везде блокпосты гвардии.

– Это вы взорвали бомбу?

– Нет. Как передают в новостях, тот, кто ее взорвал, хотел таким образом сделать последнее заявление об окружающем мире.

– Тогда вам нечего бояться блокпостов.

– Блокпостов я не боюсь, мне просто не хочется застрять из-за этого в пробке.

Пауза. Возможно, негромкий выдох на том конце провода, выдававший раздражение моей собеседницы.

– Вы уже заставили меня ждать вашего ответа. Не заставляйте меня ждать еще больше. Пожалуйста.

В данном случае «пожалуйста» означало, что она просит меня ради меня же самого. И скорее всего, так и было.

– Я буду у вас, как только смогу.

Раздались гудки.

Это мне померещилось, или шероховатость в тембре ее голоса, мелкие зазубрины и заусенцы на обычно остром краю выдали переутомление или отсутствие внимания?

Даже после того, как под давлением правительства слились все операторы, чтобы объединить ресурсы и обеспечить непрерывную работу беспроводной связи, не всегда можно было точно сказать, что действительно было в голосе человека, говорящего в телефонную трубку, а что было просто помехами, интерференцией, белым шумом. Однако при условии, что я слышал верно, ее тон не подразумевал ничего более серьезного, чем сильная усталость.

Держа телефон в руке, я оглядел комнату и положил его на перламутровую белую поверхность широкого кофейного столика «Тор» в виде овала.

Там он смотрелся недурно. И я легко мог представить себе другие телефоны, уложенные вокруг него. Такое изменение потребует лишь самых мелких ответных перемен в обстановке. «Дадокс» может просто остаться на месте, поскольку мне уже не придется смотреться в его зеркальную поверхность.

Я ущипнул себя за переносицу, взял «Катану» и вернул ее на серебряный куб к остальным телефонам. Дело было в том, что я обязательно должен был смотреть на себя, когда они звонили. Чтобы я был вынужден честным взглядом рассмотреть себя перед тем, как ответить, зная, что если я отвечу, то мне, скорее всего, придется взять работу. А в честное рассмотрение себя, как ни прискорбно, входит и созерцание собственной залысины.

Поэтому я осторожно передвинул столик на прежнее место и пошел по коридору к себе в кабинет, немного успокоившись и размышляя, какое оружие следует взять с собой, чтобы оно оптимально соответствовало моему теперешнему настроению.

8/7/10

Обед. Или ужин. А сейчас не все ли равно? Второй прием пищи, когда солнце уже давно село. Хот-доги с уличной тележки в Калвере. Как они доставляют сюда свои откормленные на траве говяжьи сосиски из Сан-Франциско? Подозреваю, что в них совсем не та говядина и, скорее всего, совсем даже не говядина. Я знаю, что уничтожили не все стада в Калифорнии,

но все-таки не могу представить себе, сколько стоит разведение скота на органическом корме. Уж лучше об этом и не задумываться.

Глянув в телефон после первой партии доставок, я понял, что забыл их записать. Попробовал наверстать, но вспомнить все было трудно. Кому это я доставил китайского дракона шабу?¹ Тем моделям на вечеринку в люкс «Шато»? Или дракон пошел художнику-аэрографисту из студии на Саут-Ла-Брея? Может, что-нибудь найдется у меня в дневнике, но мне некогда его просматривать.

Догадаться?

Нет. Я виноват, что не веду записи аккуратнее. Лучше записать только то, что точно помню, а не приписывать людям преступления, в которых они не замешаны.

Как там называлась курсовая? Правосудие в теории и на практике? Профессор Стейнмен. Пятерка с минусом от Стейнмена, «потому что у молодого человека всегда должна оставаться возможность для совершенствования».

Роуз это взбесило.

– Раз пятерка, так и ставь пятерку, старый хрен.

Я попробовал ей сказать, что мне на это наплевать. Да вообще этот минус никак не повлияет на мой средний академический балл и не повредит моему будущему.

Она ответила, что не в том дело.

– Ты ее заслужил. Несправедливо же, ты заслужил пятерку, а этот хрен тебе лепит минус, якобы это преподает тебе какой-то там идиотский урок. Да пошел он к такой-то матери. Тебе надо пожаловаться на этот сволочизм вашему декану.

Встречал ли я когда-нибудь девушек, которые бы столько ругались? Дело было в колледже, так что наверняка встречал, даже в Стэнфорде, но мне еще не приходилось пить с ними пиво. А когда ругалась калифорнийская девчонка, в этом было что-то особенно прямолинейное. Она ругалась не для проверки, не для того, чтобы посмотреть на твою реакцию, и не в первый раз после того, как вырвалась от мамы с папой, это были настоящие слова, привычные и прочувствованные.

Сейчас я уже не помню, чья команда тогда победила. Я практически не смотрел на поле, стоило мне заметить ее на трибуне. Практически не было шансов, что она вообще окажется на футбольном матче или что заговорит с человеком моей внешности. К счастью, парень, который ее привел, оказался настоящим придурком. Деррик. Спасибо тебе, Деррик, за то, что ты такой придурок. Спасибо, что ты оставил ее одну на вечеринке после матча.

Вечеринка.

Вечеринка на Вермонте.

Где Бини познакомил меня с Хайдо.

Хайдо мог говорить только о девушках. О девушках и играх. Слова вылетали, как пули. Вон та девица – вылитая девчонка, которую он хотел закадрить, когда в первый раз играл в World of Warcraft. Когда он еще играл «просто ради кайфа, а не за деньги». Он рассказывал про своего персонажа, самого первого, гнома. Назвал мне его имя. Золор? Золер? Золар? Зорал? Золрар? Зорлир?

Xorlar.

«Начинается на икс. Такая буква икс, к чему ни прилепишь, все смотрится гораздо круче».

Xorlar.

Точно.

Забавно, как воспоминания всплывают на поверхность.

¹ Смесь метамфетамина и кофеина.

Роуз мне сказала: «Дело не в том, чтобы пытаться о чем-то думать, не старайся что-нибудь разрешить, просто пиши. Самое важное всплывет само». Я сидел с толстым ежедневником в кожаной обложке в руках и листал пустые страницы. Ее первый подарок мне. Она хотела, чтобы я его чем-нибудь заполнил. С собой. Не знаю. Я старался. Но мне нечего было писать. Сколько он пролежал у нас на полке? Был 2001 год. Мы встретились на игре. Провели вместе Рождество в ее холодной комнате в Беркли. Я запомнил, потому что мы столько говорили о теракте 11 сентября. Она была так взбешена нами, Америкой. Я понимал, что она хотела сказать, но все равно злился. И она подарила мне ежедневник.

Рождество 2001 – лето 2010. Восемь лет на полке. Пока она не вручила мне подарок в красивой бумаге и не сказала: «С днем рождения». А до моего дня рождения было еще несколько месяцев. Открыл, увидел ежедневник. Подумал, что она хочет меня порадовать или что-то пытается этим сказать. И только через несколько минут до меня дошло, что она всерьез, она рассказывала мне, где купила его, как чуть не забыла про мой день рождения.

Подыграл я ей или нет? Вряд ли. Она не хочет, чтобы я ей подыгрывал, когда она путается. Она хочет, чтобы я ей говорил. Но она еще никогда не была настолько не в себе, настолько где-то в другом месте. Я сам смешался. Не подыгрывал ей, просто не понимал, что происходит.

Когда я прочел надпись и понял, что это все тот же старый ежедневник, ее мысли уже унеслись к чему-то другому. К малышке. Как она улыбнулась тем утром, перед тем как расплакаться.

Восемь лет.

И теперь я хочу только писать в нем. Все выложить на бумаге. Все, что получится. Записать нас обоих. Прежде чем она исчезнет от меня.

Не думай, просто пиши.

Xorlar.

Глава 3

Парк не планировал зарабатывать на жизнь таким способом. А ему было странно делать то, чего он не планировал. Но так уж повелось на свете. И он согласился. Во всяком случае, он сказал бы так, хотя это была совсем не правда.

Парк не согласился с тем, что так уж повелось на свете. Он знал, что настоящий мир дремлет, дожидаясь, пока не сможет выйти из долгой зимней спячки. Люди ждут, пока они снова не станут самими собой. Дело не в том, что человек по натуре подлый, похабный и грубый, просто из-за страха, смятения и отчаяния люди вынужденно казались такими и вели себя таким образом.

Он глубоко это переживал.

Переживал, даже когда полицейский в штатском еще сильнее прижал его лицом к обжигающему капоту.

– Это что еще за хрень?

Парк не ответил на вопрос. Он по опыту знал, что ответами только наживет себе еще больше неприятностей.

Неприятностей ему и так хватало.

Поэтому, когда полицейский сунул ему в лицо пакетик с экстази, он придержал язык за зубами.

– Лекарства твои, гаденыш?

– А это?

Напарник встряхнул два больших коричневых пластиковых флакона, по одному в каждой руке, как маракасы.

– Что тут у нас? Риталин? Ксанакс? У тебя, наверно, синдром дефицита внимания? Приступы тревоги? Трудно сказать, этикеток-то на флаконах нет. В аптеке забыли этикетки наклеить?

Первый полицейский, тот, в черной футболке с «Харлеем» и солнцезащитных очках в хромированной оправе, пинком заставил Парка шире расставить ноги.

– Сейчас у него точно начнется паническая атака, мать твою. Как подумает, глубоко ли ему засадят в задницу за решеткой.

Напарник поправил кепку с «Энджелс из Анахайма».

– Правда твоя, он милашка. Сестрички его живьем проглотят.

Парк пошевелился, пытаясь оторвать лицо от капота, пока оно не покрылось волдырями от ожогов.

Полицейский схватил его за волосы и встряхнул.

– Чего это ты удумал? Тебе сказали стоять смирно или нет? – Он кивнул напарнику: – Этому ублюдку кажется, что он может встать и уйти, когда ему вздумается. Ему кажется, что ему все можно.

Напарник высунул голову из машины, просмотрел пластиковый конверт на молнии с правами Парка, страховкой, карточкой Американской автомобильной ассоциации и запасными предохранителями. Все, кроме предохранителей, на данный момент было практически бесполезным.

Все автотранспортное управление встало, пытаясь разобраться с брошенными автомобилями; среди страховых компаний едва ли осталась хоть одна, у которой хватило бы активов покрыть вмятину на бампере; а в автоответчиках ААА уже почти год звучало одно и то же записанное извинение: «Мы сожалеем о том, что членство приостановлено на неопределенный срок».

Приостановлено на неопределенный срок.

Подумав об этих словах, Парк вдруг представил себе мир, как его деятельность и жизнь затихли, замерли, приостановленные на неопределенный срок в ожидании, пока это накладное украшение под видом мира крутится туда-сюда, передразнивая оригинал.

В какой-то момент интерлюдия закончится, и настоящий мир начнет с того же места, где остановился, переход бесшовный, странный перерыв забыт.

Второй полицейский хлестнул его по лицу конвертом с бесполезными бумажками.

– Ему можно, можно получить по морде, если еще раз пошевелится.

Он кинул конверт назад в машину.

– Больше ничего.

Первый полицейский дернул за наручники, сцепившие руки Парка за спиной.

– Ну что, сволочь, пошли в тюрьму.

Он подтянул Парка вверх, задрал его руки за спиной и потащил к машине без опознавательных знаков и, низко наклонив его голову, впихнул на заднее сиденье.

– Смотри не обоссись.

Затем захлопнул дверь и скользнул за руль.

– Ну, в путь.

Его напарник забрался на пассажирское сиденье.

– К великому Гудвину.

«Форд-краун-виктория» отъехал от обочины, оставив после себя небольшую толпу автомобилистов-зевак. Они окружили место действия сразу же после того, как машина без опознавательных знаков с визгом подъехала к тому месту, где Парк сидел без дела на пересечении Хайленд и Фаунтен-авеню, и оттуда выскочили двое полицейских с пистолетами. Наверное, остановились поглазеть на задержание наркодилера. Возможно, кто-то из них подумал, что это подозрительно вольное использование правоохранительных ресурсов во время пандемии, экономического краха и охвативших все общество беспорядков, но если это кому и пришло в голову, никто не решился высказаться вслух.

Да и что бы они сказали?

«Отпустите этого человека».

«Идите займитесь чем-нибудь полезным».

«Скажите федералам, чтоб вернулись к золотому стандарту».

«Инвестируйте большие средств в альтернативные источники энергии».

«Начните переговоры с НАХами».

«Найдите лекарство».

Что бы ни делали полицейские, в любом случае это уже не имело большого значения, так почему бы не постоять и не поглазеть на арест?

И все-таки это было странно.

Но только не для Парка.

Первый полицейский зарядил негромкими ругательствами, как из пулемета, и включил маяк и сирену.

– Гребаные штатские. Каждый божий день гребаные бюллетени по гребаному телику, радио, в гребаном Интернете, так нет, надо им, козлам, позалезать в гребаные машины и выползти на дорогу. Нет чтоб прямо сказать, уровень террористической опасности на хрен черный. Черный! Какого хрена надо цацкаться? Что, надо объявлять *террористическую опасность каждый раз, как кто-нибудь склеит ласты?* В смысле, никто новостей не смотрел, что ли? И никто не знает, что вчера НАХи взорвали сорок с лишним человек? Что они там себе думают, что это все сплетни? Заговор правительства, чтоб народ тихо сидел по домам? Скоты!

Он дернул руль влево и тяжелым бампером «короны» пихнул сопящий «форд-фокус», отодвигая его дальше на левую полосу движения, чтобы освободить место для себя и успеть проскочить на зеленый на бульваре Сансет.

– Наверное, это в городе единственный действующий светофор, и никто не обращает на него внимания. Гребаные скоты.

Он толкнул локтем напарника:

– Ну чё, Клейнер, чё там за херня?

Клейнер высыпал таблетки из одной пластиковой бутылочки на ладонь.

– Валиум.

– Чё, серьезно?

Полицейский стрельнул в Парка глазами в зеркале заднего вида.

– Какой придурок будет покупать валиум? Фигня. Эта твоя фигня для отвода глаз, да? В смысле, никому не нужен валиум. Где амфы, твою мать?

Полицейский дал по тормозам, резко сворачивая на Франклин, и Парку пришлось упереться ногами в спинку переднего сиденья.

– Это для одного неспящего.

– Для неспящего? Не заговаривай мне зубы. Валиум ни хрена не помогает. Они сидят на одних амфетаминах.

Он вывернул руль, срезав на Вестерн прямо поперек потока машин, двигавшихся на юг, прокладывая себе путь на бульвар Лос-Фелис, и взлетел на полном газу на холм, проехав мимо сгоревшего дотла остова Американского института киноискусства, куда один друг как-то пригласил Парка и Роуз посмотреть «В джазе только девушки», любимый ее фильм.

Машина въехала на бордюр и поехала косо, одним боком по тротуару, и плюхнулась на проезжую часть, сразу же после очередной автомобильной пробки.

Клейнер уперся руками в дверь и крышу.

– Господи, Хаундз.

Хаундз выключил сирену.

– Что тут у нас еще? «Дрема»?

В голосе Хаундза, когда он произнес это слово, прозвучала новая нотка. Та же нотка, которую можно услышать в голосе пьяницы, соскребающего верхний слой с билетика моментальной лотереи на автозаправке, прежде чем власти штата отдали лотерею в частные руки и прежде чем компания, купившая ее, разорилась. Нотка надежды и недоверия за секунду до того, как выяснится, что номер, который с виду мог стоить миллион, на самом деле обычный выигрыш в два доллара. Так он и знал.

Клейнер закрыл бутылочку крышкой.

– Нет, демерол.

Седан накренился, потому что ему в бок врезался гибридник, пытавшийся пролезть в поток машин с Норт-Вермонта, и полицейский махнул в сторону водителя.

– Вот козел! Пристрели этого козла!

Клейнер проигнорировал это требование и открыл пакетик.

– У кого есть «дрема»? Ни у кого нет настоящей «дремы». Одна только поддельная фигня.

Хаундз повернулся и еще раз посмотрел на Парка:

– Что ты там за чушь порол насчет неспящего, дескать, валиум для него?

Парк опустил взгляд между коленей.

– Это один тип из корейского района. Говорит, будто ему помогает. Он принимает по десять штук за раз. Выпивает с бутылкой красного вина. Говорит, что почти засыпает.

Хаундз пожевал губу.

– По десять за раз. И работает?

Парк пожал плечами:

– Он думает, что да. Я еще никогда о таком не слышал. Но они же все что-нибудь пробуют. Знаю одну тетку, так она крошит мелатонин и вдыхает его. По двадцать, по тридцать граммов за раз.

– Ну да, а валиум-то?

Парк покачал головой:

– Сомневаюсь.

– Черт. Черт.

Коричневой массой слева вырисовывался Гриффит-парк.

Парк посмотрел на обожженный пожаром склон. На нем снова начали появляться палатки, так как в основном его уже отчистили от головешек и трупов после первого лагеря беженцев и потушили тлеющие низовые пожары.

Хаундз хлопнул по приборной панели.

– Э, а что с демеролом? Он-то хоть немного помогает спать?

– Я сам никогда про такое не слышал. Продаю его одному старому торчку. Он когда-то был в технической группе у Тома Петти.

Парк смотрел, как толпа беженцев собиралась у грузовика Красного Креста. Большинство огонь выгнал из каньонов между Вентура-Фриуэй и побережьем, наступая из зарослей чапаралья на север до самой лагуны Мугу.

Глядя на потерянных и неприкаянных, он уплыл мыслями куда-то.

– Кроме «дремы», единственное, насчет чего я слышал, что оно действительно работает, – это, пожалуй, только пентосан. Но его молекула слишком большая, чтобы проникнуть из крови в мозг. Поэтому придумали вставлять шунт и доставлять его куда надо.

Он вспомнил, как врач описывал эту процедуру ему и Роуз.

«Проще говоря, мы просверлим дырку в вашем черепе и вставим в нее болт».

Роуз отказалась. Вернее, Роуз сказала: «Да пусть я лучше сдохну к чертям собачьим».

Парк покачал головой:

– Во всяком случае, пентосан делает хотя бы одно – не дает умереть. Спать все равно невозможно, и боль все время чувствуешь. Некоторым неспящим давали громадные дозы мепакрина, и им стало лучше. Ненадолго. Потом им стало хуже, чем раньше. Паралич. Печеночная недостаточность.

Он опять пожал плечами:

– Валиум и все такое – это в основном люди просто хватаются за что угодно, лишь бы им хоть на пару часов стало полегче.

Хаундз давил на тормоз, снижая скорость, пока они подъезжали к очереди машин у блок-поста на реке Лос-Анджелес.

– А ты-то откуда такой грамотный?

Парк снова пожал плечами:

– Я продаю таблетки.

– Черт.

Хаундз вытер пот со лба.

– Моя теща, чтоб ее черти взяли, живет вместе с нами. Не спит уже несколько месяцев. Совсем свихнулась. Никому жизни не дает. Бродит по дому сутки напролет, чертово привидение. Несет какую-то бредятину. Детей пугает. «Папа, а почему бабушка зовет меня Билли?» Вот попробуй объясни ребенку. «Знаешь, малыш, просто бабулин таламус пожирают неправильно свернутые белки, и она бредит наяву, и ей мерещатся всякие кошмары, и она сама не понимает, где она, и думает, что ты ее сын, которого на самом деле она не доносила из-за выкидыша, еще когда ей было пятнадцать лет и она ходила в школу». Может, дать ей десять таблеток валиума и бутылку Зинфанделя, и ей все станет по кайфу; я б тебя поцеловал всасос, если бы получилось.

Парк промолчал.

Хаундз протянул руку:

– Хрен с ним, давай, что там за херня.

Напарник передал ему флакон валиума.

– Чего уж, попробуй. Терять-то все равно нечего.

Хаундз сунул таблетки в карман.

Парк отвернулся, и Хаундз заметил это в зеркале заднего вида.

– Чего еще? Ты чем-то недоволен, гаденыш?

Парк ничего не сказал, он только смотрел, как в толпе у Красного Креста началось бурление, когда до людей стало доходить, что на всех мешков с рисом не хватит.

Хаундз ехал дальше.

– Терять есть что – старушка может окочуриться, – сказал он и потер затылок. – Самое плохое, если она протянет еще полгода. Господи боже. Я все понял. Как только перестану спать, тут же пушу себе пулю в лоб. Как только пойму, что у меня эта зараза, все, до свидания. Мать моей жены, она дала нам деньги, чтобы мы выложили наличными за наш первый дом. Как узнала, что ее дочь собралась замуж за негра, тут же села читать автобиографию Малкольма Икса². То есть я хочу сказать, фигня все это, но все-таки я оценил внимание. А теперь что? Смотреть на нее, смотреть, как она гниет у тебя на глазах? Я думал, может, уговорить жену и пустить ей пулю в голову. Богом клянусь, она мне бы спасибо сказала. Вот черт, что тут еще?

Спецназовец в индивидуальной бронезащите, кевларовом шлеме с визором, с лентой 5,56-миллиметровых патронов к ручному пулемету М-249, который он держал в руках, знаком велел им подъехать к обочине.

Хаундз высунул голову в окно:

– Какого черта? У нас тут преступник.

Спецназовец подошел, упер приклад в бедро и снял шлем.

– Спокойно, я как раз собирался пропустить вас без очереди. Проезжайте сюда, сбоку.

Он показал на окаймленную спиралью колючей проволоки пустую полосу дороги, которую держали свободной для военного и аварийно-спасательного транспорта.

Хаундз кивнул:

– Спасибо, солдат, извини, погорячился. Просто какое-то начальство вставило нашему капитану по самое не балуй, и мы весь день гонялись за каким-то гребаным дилером.

Спецназовец положил шлем на крышу машины и посмотрел на Парка, сидевшего на заднем сиденье:

– «Дрема»?

Хаундз хмыкнул:

– Ага, как бы не так. Занимаемся каким-то дерьмом, когда полно настоящей работы для полицейских. Он продает всякую клубную муть.

Спецназовец провел ладонью по бобрику, и мелкие капли пота попали в галогенное сияние прожекторов, освещавших блокпост.

– Стимуляторов нет? Я с ног валюсь.

Клейнер показал оставшийся флакон и пакетик:

– Демерол и ксанакс.

Спецназовец протянул руку:

– Отсыпь-ка мне ксанакса. Может, поможет не пристрелить парочку мексикашек.

Клейнер высыпал несколько таблеток в раскрытую ладонь.

– Что за столпотворение?

² Малкольм Икс (1925–1965) – американский борец за права чернокожих.

Спецназовец бросил в рот две таблетки и стал жевать, а другие сунул в подсумок на ремне.

«Авенидас» хоронят одного из своих предводителей. Этот тип на днях завел свою «импалу», а она под ним взорвалась. Чертовы психопаты из Сайпрус-парка. В общем, похоронный кортеж собирается сегодня к полуночи, они намереваются проехать прямо по дорожкам через Сайпрус-парк и дальше до Форест-Лон. Типа показать всем, только не знаю что.

Хаундз показал на восток:

– Еще чего. Скажите им, черта с два. Блокируйте улицы.

Спецназовец кивнул:

– Вы откуда?

Хаундз снял солнечные очки.

– Западное управление, Голливуд. Есть что сказать?

Спецназовец поднял руку.

– Нечего, полиция есть полиция. Но у нас сейчас договор с «Авенидас». Они занимаются охраной района восточнее Сан-Фернандо. На самом деле это значит только то, что нам можно заходить на их территорию и не особо беспокоиться, что мы окажемся под обстрелом. Так на хрена нам катить на них бочку из-за того, как они хоронят своих мертвецов? Не успеешь оглянуться, как полицейскому уже нельзя будет выйти за проволочное ограждение, чтоб снайпера не стали стрелять по всем без разбору и чтоб не подорваться на самодельной бомбе в помойном ведре.

Хаундз снова надел очки.

– Ну да, понятно. Договоримся с одними подонками, а пока разберемся с другими подонками, похуже.

Спецназовец взял шлем.

– Да, отличная мысль, только, на мой взгляд, маленько оптимистичная.

Он надел шлем и показал на пешеходный мостик, пересекавший бульвар Лос-Фелис там, где тот перепрыгивал через пересохшее русло Лос-Анджелеса.

– Видите вон там?

Они увидели.

На мосту висел труп, выхваченный лучом одного из галогенных прожекторов на блокпосте, с руками связанными за спиной, с обугленной кожей, он болтался на цепи, обернутой вокруг того, что осталось от его шеи.

– Это двоюродный брат главаря из Сайпрус-парка, ему было шестнадцать лет. «Авенидас» повесили его там сегодня утром. Начальник блокпоста велел оставить его висеть. Мол, пока он начальник этого пункта, он не собирается раздражать «Авенидас». Мол, ему плевать, он просто устал смотреть, как гибнут его подчиненные. Так что вы мне скажите...

Он застегнул ремешок шлема под подбородком.

– ...Кто тут с какими подонками договаривается. Потому как я понятия не имею.

– А эти пижоны тут с какого боку?

Хаундз показал на небольшую группу мужчин и женщин, одетых в облегающую черную форму с короткими рукавами и бронежилеты «Драконья кожа», с автоматами «масада» на изготовку, сгрудившихся вокруг двух бронированных джипов «Сааб-9-7Х» с крылатыми белыми стакерами на дверях, такими же, как их нарукавные нашивки.

Спецназовец сплюнул.

«Тысяча журавлей»? Они тут со всех боков. Дожидаются каких-то козлов из мэрии, чтобы сопровождать их в поездке по Гласселл-парку. Баба из местного совета хочет показать, что ситуация *нормализуется*. Хреновы показушники, будут теперь во всех вечерних новостях демонстрировать. Как они носятся по округе, высказывают из машин, зачищают периметры и прочая фигня. И все будут думать, что они на самом деле заслуживают громадных денег, кото-

рые им платят по контрактам за охрану. Только в репортаже не будет видно трех боевых вертолетов, которые обеспечивают прикрытие сверху. Знаете, почему они это не снимают? Потому что вертолет в воздухе не телегеничный. Да пошли они все в задницу.

Спецназовец резко опустил визор и махнул рукой по направлению к дороге:

– Проезжайте сюда, я отодвину проволоку.

Хаундз медленно поехал вперед, а спецназовец осторожно отодвинул один из проволочных штопоров и кивнул полицейскому в машине, когда тот нажал на газ, направляясь к блокпосту.

Парк смотрел в правое окно на шоссе I-5.

Некоторые участки были еще полностью открыты. Участок в непосредственной близости от блокпоста был загроможден баррикадами из брошенных автомобилей на расстоянии в полкилометра к северу и югу. Парк слышал, что средние секции баррикад заминированы, чтобы взорвать машины и открыть дорогу, если надо будет пропустить военную, полицейскую или спецназовскую автоколонну. Практически на всем протяжении от мексиканской до канадской границы автомагистралям полагалось быть открытыми для военного транспорта, но на шоссе были длинные неохраемые участки, где дорожные банды взимали свою плату за проезд и пользовались дорогой, чтобы ездить на север и юг, останавливать автомобили и сливать у них бензин. Здесь об этом сильно не волновались. Более насущной была проблема довольно многочисленных узких мест, где скапливались брошенные машины, словно бляшки в артерии, которые закупоривают неспящий мозг, блокируя его обычные функции, толкая его на причудливые вариации от привычного состояния.

Парк задумался обо всех этих скоплениях обломков в человеческом теле и вне его, которые доводят его до самых странных крайностей. «Краун-виктория» остановилась у блокпоста, и он посмотрел на повешенного, который чуть покачивался взад-вперед в столбе горячего воздуха, поднимавшегося от генераторов.

Полицейские на передних сиденьях показали свои удостоверения и значки полицейским на блокпосте, а также удостоверение личности, которое забрали у Парка, и те знаком пропустили их вперед и особо оговорили, как следует подъезжать к станции Силверлейк.

Съехав с эстакады и оставив за собой русло Лос-Анджелеса, они проехали мимо поля для гольфа на бульваре Лос-Фелис.

В этом месте бульвар практически пустовал. Бары и рестораны, которые раньше были аванпостами обуржуазивания Ист-Сайда, стояли запертые, заколоченные или сгоревшие. Несколько неспящих бродили без цели, почесывали голову, потирали глаза, бурчали себе под нос. Несколько беженцев из Гриффит-парка сумели перебраться за шоссе I-5 и реку ниже блокпоста и теперь рылись в заброшенных магазинах. Хотя там мало что осталось. Но как только бульвар спустился под железную дорогу сразу за Сенекой, снова стали появляться заселенные кварталы.

На каждом углу стояли вооруженные до зубов латинос, предпочитающие винтовки AR-15 и самозарядные пистолеты «Тес-9». На крышах по краю были навалены мешки с песком, из-за них выглядывали дула винтовок. Грузовички с тако и тележки с тамале выстроились вдоль обочин, продавцы шеголяли пистолетами в кобурах. Дети играли на улице, выбегали на ночную дорогу и возвращались обратно, молодые мамы кричали им вслед на смеси английского с испанским. Пожилые люди сидели за столиками на тротуарах, играли в домино и карты.

Хаундз вынул из кобуры свой «глок» и сунул его между ног.

– Если я только узнаю, кто отправил нас на это чертово задание, если я только узнаю, где он живет, то вернусь сюда и найму за двадцатку какого-нибудь латинуса, чтоб он спалил его дом вместе с ним и его семьей. Нет, ты посмотри на это дерьмо. Как будто мы не у себя в стране. Чтоб их черти взяли.

Клейнер сунул в рот таблетку демерола, отнятого у Парка.

– В Фэрфаксе скоро будет так же. Евреи уже расставляют козлы для пилки дров в концах кварталов. В ермолках и с «узи». Со дня на день переименуются в Маленький Израиль.

Они проехали мимо брошенного «шевроле-степсайд» 1980 года, на его крыло взгромоздился человек, патронные ленты перекрещены на груди, как у Панчо Вильи, и злобно глядел на них.

Хаундз заскрежетал зубами.

– Потарачись еще на меня. Попробуй только сунуться западнее «Пятерки», я тебе ноги оторву, только посмей на меня так глянуть. Вот же гребаные дикари. Устроили джунгли, мать вашу. Покажите мне, покажите мне хоть одного дурака, который считает стену вдоль границы плохой идеей, и дайте мне прогнать этого придурка голышом по этому гребаному гетто.

Дальше они двинулись вниз по Сан-Фернандо, и перед самым Тредвеллом подъехали к противоминному заграждению из бетонных блоков, блокировавшему улицы в районе станции Силверлейк. Поперек одного из блоков над путаницей надписей свежей краской блестел аэрозольный лозунг:

BEССОННИЦА – ЗАГОВОР – УБИТЬ ВСЕХ СВИНЕЙ

Модернизированная мини-пушка на БМП «страйкер» повернулась и уставилась на «форд» своим букетом дул, а из динамика загремел голос:

– Приветствуем вас на станции Силверлейк. Поднимите руки, чтобы их было видно, выметайтесь из машины и укладывайтесь на асфальт мордой вниз.

Хаундз заглушил мотор:

– Гребаные джунгли.

Ехать по району трущоб – это равносильно тому, что побывать в декорациях к одному из фильмов Джорджа Ромеро³. Но с нашествием неспящего приона этот эффект постепенно охватил весь город. Тротуары, торговые центры, кинотеатры, достопримечательности, пляжи и рестораны заполнились неспящими с напряженными шеями и шаркающей походкой.

Анекдоты про зомби стали пользоваться популярностью. Черный юмор касался всего, чего только позволяла ситуация.

Сами фильмы не перестали снимать. Конечно, уже не с прежним размахом, и многие студии закрылись или, точнее, были полностью поглощены более энергичными конкурентами, но, даже когда взлетели цены на энергоносители, даже когда все города, большинство пригородов и многие сельские районы пережили вспышки организованного насилия, даже когда части регулярной армии явно надолго разместились на нефтяных месторождениях Аляски, Ирака, Ирана, Венесуэлы и Бразилии, даже когда снова ввели армейский призыв, а шестеренки экономики зацепились зубцами и со скрежетом остановились, даже когда засуха затянулась и посевы погибли, даже когда растаяли ледниковые шапки и поднялся уровень прибрежных вод, людям по-прежнему нравилось смотреть хорошее кино.

То, что вокруг бродили миллионы неспящих, пытаясь чем-то заполнить темное время суток, означало лишь расширение нового сегмента рынка, даже если другие его сегменты сократились.

Бессонница предоставила и другие новые возможности.

Один клиент рассказал мне об одном независимом фильме ужасов, в финансировании которого участвовал. Кино про зомби. Зомби играли почти исключительно статисты из неспящих.

Новый стандарт правдоподобия для зомби.

Во всяком случае, он так сказал.

³ Джордж Ромеро – родоначальник жанра фильмов о зомби.

Я ничего не ответил, потому что иногда оказывалось, что даже я могу лишиться дара речи. Не такое уж неприятное ощущение, за исключением тех случаев, когда оно объясняется тем, что к горлу подступает тошнота.

Так или иначе, пробка, в которой я застрял, не была вызвана съемкой этого крупного кинематографического достижения, хотя к ней на самом деле приложила руку съемочная группа где-то впереди меня в уходящем предвечернем свете на Санта-Монике.

Стандартный порядок действий в дорожном заторе и, значит, стандартный порядок действий каждый раз, когда ты садишься за руль, требовал открыть окна и заглушить двигатель. Дело было уже не просто в здравом смысле, это предписывалось по закону. Стоять в мертвой пробке с работающим двигателем, который обслуживает радио, кондиционер, телевизор, игровую консоль и зарядку всевозможных переносных устройств, было непатриотично и незаконно.

Не будучи патриотом, наплевав на квитанции о штрафе и располагая более чем достаточными средствами, чтобы под завязку наполнять бак моего прожорливого «Кадиллака-STS-V», я врубил кондиционер, поставил пиратский mp3 с оригинальной записью Джузеппе ди Стефано в роли Фауста в Метрополитен-опера 1949 года и включил ноутбук в розетку. Из вежливости я все-таки закрыл окна, не желая, чтобы люди, изнемогающие от жары вокруг меня, стали возмущаться, но я подозреваю, что низкое урчание восьмицилиндрового двигателя меня выдало. Я определенно заметил несколько неприветливых взглядов сквозь тонированное стекло, но они заботили бы меня только в том случае, если бы стекло, как и вообще вся машина, не было пуленепробиваемым. Возникни у меня такое желание, я мог бы протаранить себе путь прямо сквозь скопление машин и выехать с другого конца, не беспокоясь ни о чем, разве что о царапинах на краске и нескольких вмятинах. Но я бродил по Сети и читал биографию ди Стефано, так что решил потерпеть.

Десять процентов жителей Земли не могли уснуть.

Да, они умирали, но обычно неспящий умирал почти через год после того, как проявлялись симптомы. Сначала появлялось странное напряжение в шее и испарина, зрачки сужались до размера булабочных головок, вскоре следовали проблемы со сном, они постепенно увеличивались, пока не наступала полная бессонница. Больные терпели целыми месяцами, месяцами непрерывного бодрствования, когда они периодически входили в фазу быстрого сна без настоящего засыпания и постоянно сознавали, как страшно разрушается их организм. Лекарства от болезни не было, она неизбежно кончалась смертью, и, хотя собственное «я» постепенно ускользало от человека, он никогда не прекращал ощущать боль и физическое разложение.

Самое разумное, что можно было сделать, – это принимать громадные дозы наркотиков из группы стимуляторов.

К тому времени, когда неспящие входили в последнюю стадию и полностью теряли способность засыпать, обычные амфетамины уже не могли навредить человеческому организму больше, чем он навредил себе сам. Но они могли вызвать временный и небольшой искусственный всплеск энергии, могли обострить и сосредоточить ум и иногда отсрочить дезориентирующее сползание в грезы и воспоминания. Осужденные на тревогу и поддерживаемые амфетаминами, десять процентов мирового населения не только хотели ходить в кино по ночам, но и бродить по Интернету.

На первый взгляд казалось, что продвигать товары в этой демографической группе – бросать деньги на ветер, ведь им грозит вымирание. И это было бы верно, если бы болезнь не распространялась.

В конце концов, заразу подхватили не сразу десять процентов. Конечно, началось с малого. Да, в своем младенчестве неспящий прион был, можно сказать, элитарной болезнью. Редкой болезнью, известной под названием «фатальная семейная бессонница». Название вполне ясно говорит о том, как необычно она начиналась.

Семейная.

Фактически на протяжении всех примерно 245 лет своей документированной истории фатальная семейная бессонница ограничивалась лишь несколькими генетическими линиями. Как и почему она так страшно и внезапно вырвалась на простор, само собой, было предметом весьма оживленных обсуждений.

Если говорить точно, неспящий прион отличался от приона фатальной семейной бессонницы. Хуже это или лучше, но семейная бессонница убивала гораздо быстрее и потому, как сказали бы многие, была милосерднее.

НСП – это что-то другое.

НСП.

Неспящий прион.

Или, ради смеха, НСП.

Сленговый вариант, выдающий себя за химическое наименование, вроде того, что использовано в патенте на единственное известное средство от симптомов НСП.

Торговое название: Dreamer, «дрема».

Химическое обозначение: DR33M3R.

Чрезвычайно удачное буквенно-цифровое наименование, то есть в смысле маркетинга. Такое счастливое открытие, такое сразу бросающееся в глаза даже самому большому тугодуму из рекламного бюро, что это наводит на подозрения.

Если ты склонен к подозрениям.

Я очень мало что подозреваю, поскольку за свои шестьдесят лет не раз убеждался, что люди – это утиль и способны на что угодно ради своего достатка и благополучия. При таких убеждениях подозревать ничего не надо. Легче просто исходить из того, что какие-то подонки ради собственной выгоды имеют всех остальных.

Да и я сам был ходячим доказательством собственного тезиса, когда сидел у себя в «кадиллаке» последней модели, слушал Гуно, обдуваемый струей холодного воздуха из кондиционера, и пожинал плоды того, что больным людям нужно было отвлечься, и это проявлялось в непрерывной доступности широкополосного беспроводного Интернета в долине Лос-Анджелеса.

Терпение человечества.

Excelsior⁴.

Я находился в такой гармонии с окружающим миром и самим собой, что когда отвратительно жилистая вегетарианка из «Мерседеса-300», заклеенного биодизельными стикерами, вышла из машины и стала барабанить по моему окну, крича, что я убиваю «планету и детей», я даже не сразу опустил стекло и наставил ей в лицо «беретту-томкэт», которую достал из ножной кобуры.

«Томкэт» – исключительно несерьезное оружие, его шестисантиметровый ствол, можно сказать, бесполезен на расстоянии вытянутой руки. В чужих руках его часто принимают за игрушку или какой-то инструмент. Выглядывающий из кулака ствол вообще не кажется серьезной угрозой.

Однако, если ее пихнуть под подбородок, она уже представляется достаточно серьезной. И взводимый курок тоже производит вполне серьезный звук. А на случай, если у нее еще оставались сомнения, я постарался дать ей понять, что и я, и пистолет, мы оба вполне серьезны.

– Вы умрете на глазах у десятков свидетелей, и никто ничего не сделает, чтобы помочь вам или отомстить за вас. Потому что все они знают то, что знаете и вы: миру пришел конец. Разница только в том, что они сдались и согласны смотреть, как он гибнет, если могут делать это в относительном комфорте. Вы же проматываете те скудные ресурсы сил и воли, которые у вас еще остались, пытаясь остановить лавину. Бросьте это дело. Все обстоит именно так плохо,

⁴ Все выше и выше (лат.).

как вы предполагаете. Люди именно такие эгоистичные, как вы думаете. Вселенной на все наплевать. Да и вам тоже. Ну правда же. Идите найдите себе теплое тело, прижмитесь к нему, почувствуйте животное удовольствие. Возвращайтесь к себе в машину и не смотрите на меня больше. Я что-то устал говорить. Идите, пока мне не надоело держать палец на крючке и не захотелось посмотреть, как мозги вылетают у вас сквозь макушку.

Женщина издала какой-то гортанный звук и пошла прочь, неподвижно уставив взгляд чуть выше автомобильных крыш, такой походкой, которую можно было бы принять за походку неспящей, хотя на самом деле это было просто отчаяние.

И я нажал кнопку, и окно снова плотно закрылось, создав идеальную прохладную полутьму в том, что в рекламной брошюре называлось «кабиной автомобиля», а я вжал ствол «том-кэта», похожий на большой палец руки, во впадину пониже подбородка.

Но даже при идеальном лирическом аккомпанементе подходящий момент еще не наступил.

Поэтому, когда машины таинственным образом тронулись в путь, разделяясь на две стороны от неподвижного «мерседеса» с женщиной, всхлипывающей внутри, я сунул пистолет обратно в кобуру из кротовой кожи и плавно понесся по изрытой дороге, мимо места съемки (искусно воспроизведенной сцены дорожной аварии), думая, что ее всхлипы прозвучали идеальным диссонансом к диминуэндо ди Стефано на высокой до в арии Фауста: «Привет тебе, приют невинный»:

Привет тебе, приют невинный,
Привет тебе, приют священный,
Все о любви здесь говорит мне,
И все невинностью здесь дышит!
Как мне мила вся эта простота.

Парк еле дышал.

Дело было не только в том, что ему на голову надели мешок, но и в том, что он был далеко не первым, на кого этот мешок надевали. Заскорузлая от высохшего пота, покрытая коркой старой рвоты у открытого конца, черная дерюга мешка не просто перекрывала воздух.

А еще у него болели колени.

Он уже понял, что нельзя пытаться сесть на ноги ради отдыха. Он сделал так один раз и получил удар дубинкой по лопаткам, который заставил его выпрямиться.

А еще у него онемели пальцы.

Это внушало тревогу, но гораздо большую тревогу внушало то, что он терял ощущение пластиковых наручников в том месте, где они врезались в его запястья. Нарушить кровоснабжение пальцев – это одно, а целиком нарушить циркуляцию крови в кистях рук – совсем другое и гораздо более опасное.

Человек справа простонал что-то по-испански.

Ботинки прошли по кафельному полу комнаты, отдаваясь эхом, и полицейская дубинка с фонариком отскочила от черепа.

– Заткни пасть!

Парк почувствовал, что человек наваливается на него, и как-то попытался его подхватить, отклонившись всем телом далеко назад и стараясь удержать вес человека своим туловищем. Мышцы бедер, и так уже дрожавшие, не выдержали, и они оба свалились на пол.

– Вставай! Вставай, мать твою!

Кто-то всей пятерней схватил его за волосы сквозь мешок и потянул вверх, ставя на колени.

– Стой прямо! Прямо, тебе говорят, сволочь!

Кулак лениво задел его по уху.

– Сейчас башку тебе снесу.

Громкое жужжание пронзило комнату, вибрируя в затхлом воздухе, грохнула задвижка, и дверь открылась, впуская столб свежего воздуха, который Парк почувствовал на предплечьях.

На плитке пола взвизгнули кроссовки. Зашуршала бумага.

– А, три, три, ноль, эйч, тире, четыре, тире, четыре, ноль.

Его руки вздернулись – кто-то захотел взглянуть на пластиковый наручник, застегнутый на его запястье.

– Да, этот.

Дубинка врезалась ему в ребра.

– Вставай, сволочь.

Он попытался разогнуть ноги и подняться, но ему удалось только снова упасть.

– Придурок.

Ствол дубинки прижался поперек его горла, и его, задыхающегося, поставили на ноги, он зашатался, едва не упав опять, и его подхватили под руки.

– Я его держу.

– Ага, пользуйся. И старайся оставлять поменьше следов.

Слепого и еле держащегося на ногах, его вывели в тихий коридор, где воздух, хоть и был прохладнее всего на пару градусов, показался ему похожим на весенний бриз. Он спотыкался о собственные онемевшие ноги, вновь и вновь удерживаемый от падения, потом его прислонили к стене.

– Ты хоть секунду можешь сам постоять?

Он кивнул, но не знал, можно ли было увидеть его кивок сквозь мешок на голове.

Его голос трескался так же, как и сухие губы.

– Наверное, смогу.

Его отпустили, и он удержался на ногах.

Лязгнули ключи, и открылась новая дверь.

– Входи.

Его снова поддержали, но теперь уже больше не несли, а направляли, и он постепенно стал снова чувствовать свои ноги.

– Садись.

Стул.

– Наклонись вперед.

Он наклонился, почувствовал стол и положил на него голову, глаза закрылись, он почти сразу же провалился в сон. И через секунду его разбудили, когда отстегнули наручники с запястий и кровь хлынула в кисти рук, пронзая их иголками.

Мешок сдернули с головы, и он закашлялся от внезапного притока кислорода, моргая в жестком люминесцентном свете.

– Пей.

Поджарый мужчина с тонзурой седых волос, глазами, скрытыми за зелеными очками-авиаторами, поставил перед ним бутылку с водой.

Парк кивнул. Он попробовал взять бутылку, но не смог заставить руки сомкнуться вокруг нее.

Человек отвинтил крышку с бутылки и поднес ее к губам Парка, медленно приподнимая, пока тот глотал.

– Все?

Парк кашлянул, человек опустил бутылку и поставил ее на стол. Он взял в руки ладони Парка и стал их тереть.

– Когда тебя взяли?

Парк хотел было посмотреть на часы, на миг забыв, что он спрятал их еще до задержания.
– Не знаю. Вчера вечером? Сколько сейчас?

Иголки в руках превращались в булавки, и он почувствовал, что уже может сгибать их самостоятельно.

Человек отпустил его и снял мобильный телефон с пластикового зажима на ремне своих темно-синих форменных брюк.

– Чуть за полночь.

– Мне надо позвонить жене.

Мужчина снова пристегнул телефон на ремень.

– Потом.

С уголка стола он взял сморщенный и заляпанный конверт из оберточной бумаги, на нем длинными рядами были написаны имена и цифры, все по очереди вычеркнутые, кроме одного: ХААС, ПАРКЕР, Т./А330Н-4-40.

Человек раскрутил потрепанную коричневую бечевку, накрученную на круглую кнопку, открыл конверт, заглянул в него и вывалил содержимое на стол.

– Это что за хрень?

Парк посмотрел на пакетики с коричневой низкокачественной марихуаной, полной семян.

– Это не мое.

Мужчина посмотрел на неперечеркнутое имя на конверте.

– А здесь написано – твое.

– Нет.

Человек кивнул:

– Да уж, нарвался ты за пару унций мексиканской травки.

Парк сжал кулаки; теперь покалывало только кончики пальцев. Он посмотрел на дверь.

– Мы можем говорить?

Мужчина скрестил руки поверх футболки с эмблемой «Доджерс», под которой виднелась другая, белая.

– А мы здесь как раз для этого.

Парк щелкнул по одному из пакетиков указательным пальцем:

– Мне это подсунули.

Человек показал на пакетик:

– Потому что это не то, что я ожидал найти у тебя.

Парк кивнул:

– И не то, что у меня было.

– Хаундз и Клейнер взяли твой товар?

– Да.

– И подсунули это?

– Да.

Мужчина чуть крепче скрестил руки.

– И что же забрали арестовавшие тебя полицейские?

Парк посмотрел на мобильник.

– Мне правда очень надо позвонить жене. Она будет волноваться.

Человек покачал головой:

– Потом. Скажи, с чем тебя взяли.

Парк допил воду из бутылки.

– Демерол. Валиум. Ксанакс.

Мужчина кивнул, расцепил руки и взял один из пакетиков.

– Потому что это тебя никуда не приведет.

Парк потрогал ухо, по которому его ударили, когда он стоял с мешком на голове.

– Знаю. И это не то, что у меня было. И это не то, чем я занимался.

Человек махнул рукой:

– Да знаю я, чем ты занимался.

Парк пожал плечами:

– Ну и что тогда?

Человек уставился на него, покачал головой и сел на стул напротив.

– Я хочу услышать от тебя.

Парк опять посмотрел на дверь.

– Мы можем говорить?

Мужчина снял очки, открыв налитые кровью опухшие глаза, сидящие в глазницах в окружении глубоких морщин.

– Можем.

Парк показал на мешок на полу.

– Тогда, может, вы мне скажете, кто здесь командует, капитан?

Человек с тревожными глазами пожал плечами:

– Мы.

Парк сначала не хотел соглашаться на задание. Не ради этого он шел в полицию. Он шел, чтобы помогать. Он шел, чтобы служить. Когда друзья спрашивали его, какого черта он забыл в полиции, он говорил им, что собирается служить и защищать.

Никто не смеялся, зная, что Паркер Томас Хаас не шутит такими вещами. По существу, он вообще не понимал шуток, когда дело касалось справедливости и порядочности.

Справедливость и порядочность были неизменным мерилom, которое применялось ко всему, и шутить над ними не следовало.

Во всяком случае, он не шутил.

И потому он хотел остаться в полицейской форме.

Задолго до окончания академии он решил для себя, что правосудие в судах часто не соответствует стандартам, которым должно было соответствовать. Долгие жаркие дни, которые он проводил между занятиями в городских судах, глядя, как скрипят и трещат колеса правосудия, решили этот вопрос.

Но уличное правосудие – другое дело.

Его можно было осуществлять напрямую. На улице человек с полицейским значком действительно мог что-то сделать перед лицом несправедливости. То, что происходило после пресечения преступных действий, иногда оставалось тайной, но, проявляя в момент ареста снисходительность, вручения судебной повестки – неожиданную терпимость, а во время нешуточной облавы поддерживая, наставляя или применяя силу, патрульный полицейский мог установить истинную справедливость.

Дело было в том, чтобы установить стандарт и применять его всегда, без исключения, ко всем.

Включая себя самого.

Для Парка это было просто, как дважды два.

Но невыносимо тяжело для всех, кто с ним работал.

Что и было одним из доводов, которыми убеждал его капитан Бартоломе:

– Тебя не любят.

Стоя у себя в кабинете перед фотографией с автографом, где он мальчишкой стоит рядом с улыбающимся Вином Скалли⁵, Бартоломе пожал плечами:

⁵ Вин Скалли – известный американский спортивный комментатор.

– Я говорю не для того, чтобы тебя обидеть, но это так и есть.

Парк смотрел на бейсболку с эмблемой лос-анджелесской полиции, которую держал в руках.

– А мне и не обидно.

– А я и не думал, что ты обидишься. И это еще одна причина, почему я считаю тебя подходящим для этого дела. Легче работать, когда тебе наплевать, что тебя не любят.

Парк провел рукой по затылку, пощупал резкую горизонтальную линию волос, постриженных парикмахером по нижнему краю ежика.

– Не то чтобы мне было совсем все равно, капитан. Все зависит от того, почему меня не любят.

Бартоломе сунул кончик языка за нижнюю губу, потом высунул обратно и облизал зубы.

– Значит, тебе наплевать, когда тебя не любят из-за того, что с тобой невозможно работать? А другие причины для неприязни тебя могут беспокоить, так, что ли?

Парк перестал теревать волосы.

– Мне наплевать, когда со мной не хотят работать, потому что я знаю, что прав.

Брови капитана наркоуправления приподнялись.

– Господи, Хаас. Неудивительно, что тебя не любят.

Парк стряхнул пылинку со штанины.

– Я могу идти?

Бартоломе показал на дверь:

– Можно ли тебе выйти из моего кабинета? Да.

Парк стал подниматься.

Бартоломе показал на окно:

– Можно ли тебе вернуться на улицу? Нет.

Парк, почти поднявшись с твердого пластикового стула, замер и посмотрел на начальника.

– Простите, сэр?

Бартоломе взглянул на стол, нахмурился, читая заголовок спортивной колонки раскрытой на столе «Лос-Анджелес таймс»:

«ГЛАВНАЯ БЕЙСБОЛЬНАЯ ЛИГА ЗАВЕРШАЕТ СЕЗОН

Игры не возобновятся до тех пор, пока не удастся остановить пандемию бессонницы».

Он посмотрел через стол на своего подчиненного.

– Больше не будет сольных выступлений, Хаас. Все ездят с напарниками. В управлении не хватает денег на бензин для патрульных машин. Пока в результате стимулирующего финансирования наш автопарк чудесным образом не наполнится электромобилями и гибридами, все патрульные машины будут выезжать с двумя, тремя или четырьмя полицейскими.

Он протер глаза.

– И никто, никто абсолютно не хочет больше ездить с тобой.

Парк выпрямился.

– Никто и раньше не хотел.

– Ну да, но раньше было не так плохо. Было не так опасно, а это только начало. Управлению нужен высокий боевой дух в этой паршивой ситуации. Высокий боевой дух означает, что нам не грозит дезертирство, какое было после «Катрины». Когда полицейские теряют веру в систему и просто исчезают.

Бартоломе перестал тереть глаза и оглядел Парка с головы до ног.

– Высокий боевой дух также означает, что офицеры должны прикрывать друг друга. Нам не нужно, чтобы наши ребята закрывали глаза, потому как решили, что всем будет лучше,

если напарник, который у всех стоит как кость в горле, получит пулю во время какой-нибудь бандитской разборки.

Парк подумал о времени, год тому назад, когда он ездил с Делом Рико. Как однажды они выехали на вооруженное ограбление. Дел сказал, что в подсобке винного магазина безопасно. Только это было не так. Оказалось, что подозреваемый был не вооружен; что кореец – владелец магазина принял за оружие обрезок трубы. Но в полицию поступил звонок о вооруженном грабителе, и Дел дал Парку войти в подсобку, которую он считал безопасной, хотя там за какими-то ящиками прятался подозреваемый с трубой, и она вполне могла оказаться ружьем. Парк отделался парой синяков на ребрах. Подозреваемый получил ряд ударов по гениталиям.

Дел всегда вел себя спокойно с Парком, но тот слышал, как он острил с ребятами. Дескать, не могу дождаться, когда кончится дежурство *смонахом*.

Парк считал, что Дел Рико не знал о преступнике в подсобке. Но он был хороший полицейский. И он сказал, что в подсобке чисто. Может быть, он бы отнесся к заданию более внимательно, если бы не думал о том, когда кончится его дежурство с Парком?

– Хаас, ты следишь за моей мыслью?

Парк посмотрел на капитана.

– Я могу патрулировать на велосипеде.

Бартоломе потер гладкую смуглую макушку.

– Патрульные на велосипедах тоже ездят по двое.

– На мотоцикле. Я могу патрулировать дорожное движение.

– Ты когда-нибудь ездил на «Харлее»?

– Нет.

Бартоломе показал на фотографию на стене. Он же, но помоложе, кожаные сапоги, синеватый шлем, верхом на «Харлее».

– Чтобы научиться управлять «Харлеем», нужно несколько недель, и управлению это влетает в копеечку. Я тебе могу сказать только одно: при нашем теперешнем бюджете переобучение возможно только для спецназа и антитеррористической академии.

Парк посмотрел на фотографию Бартоломе с ведерком на голове.

Спецназовцы обожали свои автоматы, обожали стремительность, с которой они срывали двери и врываются в дома. Зачем они там, кто, что и кому сделал, для спецназа не имело никакого значения. Им просто хотелось сделать меткий выстрел.

Антитеррористическая академия – билет в одну сторону до рабочего стола. Бумажная волокита. Разведывательные сводки. Координация оперативных групп с ЦРУ, ФБР, нацбезопасностью, таможенно-пограничной службой.

Он отвел взгляд от снимка.

– Вряд ли я подхожу для этого, сэр.

– А тебе никто и не предлагает.

Бартоломе взвесил два невидимых предмета, по одному в каждой руке.

– Тебе предлагают только одно.

Он показал тяжесть и серьезность того, что предлагается Парку.

– Или можешь согласиться на онлайн-обучение, будешь диспетчером.

Он показал относительную легкость работы по приему и передаче радиовызовов.

Парк вспомнил, как отец спросил его, чего, по его мнению, он может достигнуть в качестве полицейского, чего не мог бы достигнуть в семейном деле. Семейным делом была государственная служба и политика.

Он покачал головой:

– Я просто думаю, что не гожусь для этого задания, сэр.

Бартоломе кивнул:

– Почему?

– Если посмотреть на это практически, то я белый. И я не знаю уличного жаргона. То есть знаю, но у меня он звучит неестественно. Да и сам я никогда наркотиков не пробовал, даже в колледже. Я даже не знаю, как притворяться.

Капитан улыбнулся:

– Хаас, какого черта? О чем ты только думаешь? Ты что же, считаешь, я тебя пошлю в Уилмингтон? Заставлю сбывать метамфетамин ночным грузчикам в порту? Или зашлю к мексиканцам здесь, у нас? Или ты думаешь, я пошлю тебя толкать дурь черным в южный Лос-Анджелес?

Парку снова подумалось об отце.

– Вы же сказали «операция по внедрению», сэр. Вы сказали «продавать наркотики».

Бартоломе посмотрел на стол. Он убрал спортивную страницу, сообщившую новость о том, что от паршивой жизни этим летом не отдохнешь и не отвлечешься даже несколькими бейсбольными играми, и нашел пачку страниц, распечатанных на обратной стороне старых рапортов о происшествиях и уведомлениях. По новым правилам полицейского департамента печатать следовало на обеих сторонах листа, а потом сдавать его в макулатуру.

– Хаас.

Он просмотрел страницы, поворачивая их туда и обратно, чтобы найти нужную сторону.

– Для большинства полицейских их работа означает одно из двух. Во-первых, быть полицейским – это просто работа. Неплохая зарплата. При некоторой личной инициативе каждый может сделать карьеру. Огромные льготы. Ни у кого в наше время нет такого медицинского обслуживания, как у полицейских. Хорошая пенсия. Множество других плюсов. А раньше к тому же было полно работы, на которую не надо было даже брать пистолет, не говоря уж о том, чтоб его вынимать. Диплом о среднем образовании, два года в начальном колледже или послужи в армии, и можешь поступать в академию. Нормальная работа для мужика. Средний полицейский относится к своей работе скорее как сварщик, чем, скажем, агент министерства финансов. Во-вторых, быть полицейским – для некоторых это значит иметь значок, дубинку и оружие. Никто в этом вслух никогда не признается, во всяком случае на трезвую голову, но таким людям просто нравится командовать. Сходи к ним в гости на барбекю, посмотри, как они разговаривают с женой и детьми – так же, как с типами, которых только что задержали за умышленное нападение. Они приходят за значком и не меняются.

Бартоломе отогнул угол одного листа и посмотрел на лист под ним.

– А куда тебя вписать в эту схему?

Парк все еще думал об отце, вспоминая, как они виделись в последний раз на похоронах матери. Через месяц он решил не ехать на восток на похороны отца. Все, что старик хотел ему сказать, он сказал у могилы своей жены, хотя только лишь после того, как ему позвонила сестра и со стоической пенсильванской интонацией рассказала, как их отец использовал свой любимый карабин «уэзерби», он понял, что означали его слова «Тебе не нужно уже приезжать домой». Стоя тогда над гробом матери, он решил, что эти слова означали окончательное отчуждение, в которое постепенно превращались их отношения. Повесив трубку после звонка сестры, он понял, что на самом деле это была последняя попытка Т. Стегланда Хааса защитить своего сына от мировой скорби.

Не нужно возвращаться. Не нужно стоять у могилы отца. Занимайся своими делами. Все кончено. Ты прощен.

Он протер циферблат часов большим пальцем.

– Я не знаю, куда меня вписать, сэр.

Бартоломе кивнул:

– Ну, посмотрим. Семейный трастовый фонд. Академия «Дирфилд»⁶. Степень бакалавра в Колумбийском университете. Докторская степень в Стэнфорде. Не похоже, чтобы такой человек гнался за надежной работой.

Он сложил еще один листок бумаги.

– Кстати, ты не стесняешься применять силу, но серьезных жалоб по этой части на тебя нет. Неплохая коллекция задержаний, однако ничто не наводит на мысль, что тебе нравится защелкивать наручники. Ты не производишь впечатления человека, который возбуждается оттого, что помыкает людьми.

Он скатал лист в трубку и показал ею на Парка.

– Что же мы видим? Описание молодого белого мужчины с хорошим образованием и искренним желанием поступать правильно и служить обществу.

Парк крутил запястьем взад-вперед, приводя в движение механизм самозавода в часах.

Это были часы его отца, «Омега Симастер» 1970 года, подарок жены, который он передал Парку в тот самый день, когда освободил его от вторых похорон. Отец снял их со своего запястья и передал ему с такими словами: «Это хорошие часы. Когда через пару лет начнут сбрасывать бомбы, они не остановятся от электромагнитного импульса. Даже во время Апокалипсиса кто-то должен знать, который час, Паркер».

Паркер стал вертеть запястьем чуть быстрее.

– Вы меня обвиняете, сэр?

Бартоломе дал листку развернуться у него в руке и показал его Парку:

– Нет. Просто это именно то, что мне нужно. Образованный молодой белый мужчина, который может разговаривать с другими образованными молодыми белыми людьми. Такими людьми, которые могут позволить себе не только покупать наркотики, но и быть разборчивыми, у кого их покупать. Людьми, которые не хотят кружить вокруг парка Мак Артур на своих «мерседесах». Людьми, которые предпочитают позвонить по секретному телефону, сделать заказ и получить доставку на дом. Как суши. С вот такими людьми, полицейский Хаас.

Он наклонился ближе.

– Это единственные люди, которым по карману купить «дрему».

Парк перестал крутить запястьем.

– Что?

Бартоломе положил свернутые бумаги на стол.

– Ты уже видел кого-нибудь с этим? Близко? Кого ты знаешь лично?

Парк коснулся часов, не глядя на них.

– Мать. Но я ее не видел. Она быстро умерла.

– Хорошо.

Бартоломе дважды кивнул.

– Это хорошо. Один из моих братьев заразился еще вначале. Еще до теста. Когда все еще думали, что это вирус. Карантин. То и дело забор образцов ткани. Экспериментальное лечение. И это помимо самой заразы. Когда он доживал последнюю неделю, разрешили первые испытания «дремы» на людях. Его выбрали по жребию, но он попал в группу, которая получала плацебо. Я видел женщину, которая получала настоящее лекарство. Она спала. Она видела сны. Проснувшись, она улыбалась, разговаривала с родными. А до этого она пять дней без перерыва кричала. Вся была в порезах. Они тоже прошли.

Бартоломе взглянул на другую фотографию на стене: в парадно-выходной форме, тот день, когда он получил свои нашивки, по бокам два брата-полицейских, все трое обнимают друг друга за плечи.

Он отвернулся.

⁶ Академия «Дирфилд» – престижная школа-интернат.

«Афронзо – Нью дей фарм» наконец при посредничестве правительства согласилась поделиться патентом на «дрему» для ее производства в международном масштабе. АНД придется удовольствоваться чуть менее неприличной прибылью с этой сделки, чем было бы в ином случае. Господи, власти могут национализировать банки, автопроизводителей, коммунальные предприятия, телекоммуникации, но пока фармацевтическое лобби еще в силе, эти подонки в конгрессе будут орать про «свободный рынок», как будто на президентские выборы выставили Маркса.

Бартоломе потер нос и крякнул.

– В общем, нельзя сказать, сколько уйдет времени, чтобы наладить производство за границей, и даже когда его наладят, если это вообще случится, спрос еще долго будет превышать предложение. Но это за границей и на других материках, а у меня и без того забот хватает. Пока вся «дрема», что есть, находится в Америке, и всем она нужна, и мы должны не позволить людям перебить из-за нее друг друга. А именно Управление по контролю качества продуктов и лекарств собирается вывести ее из списка А и придумать для нее так называемый список Z. Полный контроль над распределением. Только через больничные аптеки. Выдача непосредственно персоналом больницы своим пациентам. По одной дозе на один прием. Возможны редкие исключения для хосписов и больных на домашнем уходе, строго по рецепту, подписанному двумя врачами. На каждой коробке, на каждом флаконе индивидуальные радиометки. Производится небольшими партиями, таблетки каждой партии будут иметь три уникальных идентифицирующих признака.

Парк наморщил лоб. Роуз говорила, что при этом у него «особенно бестолковый вид». Хотя на самом деле Парк никогда бестолковостью не отличался.

– НСП продолжает распространяться. И быстрее, чем считалось.

Бартоломе кивнул и сел.

– Это между строк. Да. В общем, никто ничего не говорит, но да.

Он положил обе руки на макушку и переплел пальцы.

– Все лично знают хотя бы одного человека, у которого кто-то из близких болен НСП. Очень скоро у всех будет болен кто-то, кого они сами хорошо знают. Кого любят. Если торговля «дремой» выйдет на улицы, начнется война. То, чем торгуют из-под полы сейчас, – это подделка, низкосортная пиратская дрянь из Юго-Восточной Азии; нам бы надо перекрыть ее поставки, но это не наша обязанность. Мы будем работать с настоящим DR33M3R. Конечно, кое-где будет всплывать то флакон, то пара десятков таблеток. Но нельзя допустить, чтобы препарат попал на улицы в большом количестве. Крупные партии, вот за чем мы будем охотиться.

Парк загнул козырек бейсболки.

– Люди должны знать, что лекарство распределяется честно, поровну, независимо от материального и общественного положения и цвета кожи. Нельзя допустить, чтобы начали думать, будто оно только для белых и богатых.

Бартоломе уставился на него.

– Хаас, плевать, что *думают* люди. Возьми крэж в восьмидесятые. Ты что-нибудь знаешь о том, что тогда творилось? Не знаешь. Тебя там не было. А творилось черт знает что. «Дрема» – самый прибыльный наркотик в истории человечества. Меня волнует только война за наркотики. Если кто-нибудь додумается, как перехватить ее в цепочке сбыта или как произвести качественный аналог, мы за несколько дней перейдем от мелких стычек прямо к окопной войне. Какой-нибудь местный картель будет сбивать цену на «дрему», снабжая своих людей русским и китайским оружием. Нам тогда один только Креншо придется патрулировать с целой эскадрильей.

Парк кивнул:

– Откуда выделяют средства на это?

Бартоломе сдул щеки.

– Федералы? Хрен знает. Полицейский департамент Лос-Анджелеса?
Он расплел пальцы и показал на себя, потом на Парка.
– Средств не пожалеют.
И снова положил руки на макушку.
– Итак, полицейский Хаас. Он качнулся назад в кресле.
– Похоже это на то задание, для которого вы годитесь?
Парк встал, пристроил бейсболку на голове, перевесил оружие на бедро и кивнул:
– Да, сэр, гожусь. Бартоломе закрыл глаза.
– Милости просим в Семь-Уай, особый отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств. Возвращайся к Ван-Нейсу и заberi свое барахло из шкафчика. Если кто спросит, тебя переводят на Венис. Тогда тебя еще больше возненавидят.
Парк не двинулся с места.
Бартоломе открыл один глаз.
– Что?
Парк почесал шею сбоку.
– Есть кое-что.
– Ну?
Парк дотронулся до значка.
– Я не умею врать.
Бартоломе закатил глаза.
– Научишься, Хаас.
Паркер кивнул, повернулся к двери.
– Хаас.
Он остановился.
– Сэр?
– Я слышал, вы с женой ждете ребенка.
– Да, сэр.
– С ребенком все будет гораздо труднее.
Парк промолчал.
Бартоломе открыл другой глаз.
– Но тебе же это нравится, правда?
Парк промолчал.

Глава 4

Сенчери-Сити – это место, где держат юристов.

Будучи юристами, они замуровались среди первых, когда стало очевидно, что пандемия не собирается истребить бедняков и успокоиться. Восточный Сенчери-парк и Западный Сенчери-парк были накрепко закрыты у Санта-Моники и Вест-Олимпика бетонными танковыми заграждениями высотой под четыре метра. Бульвар Констеллейшн теперь превратился в пешеходную торговую улицу, которая проходила между Восточным Сенчери-парком и Западным. Войти туда и выйти оттуда можно было только через ворота блокпоста на северном конце авеню Звезд.

Студии звукозаписи, продюсерские компании, телесети, актерские агентства, корпоративные офисы студий, обосновавшиеся в Сенчери-Сити, давно стремились закрыться от незваных гостей. Орудийные башни наконец-то встали на свои места, и ходили слухи, что в одном из многих опустевших павильонов звукозаписи, участке студии «Двадцатый век Фокс» припаркована целая колонна бронированных боевых машин, которые в любой момент готовы быстро увезти местных жителей в безопасное место, если они окажутся в осаде.

У меня был пропуск.

Что почти так же важно, еще у меня была соответствующая непристойно дорогая машина и подходящий гардероб. И то и другое я старательно подобрал специально для такого случая.

В этих кругах мотовство напоказ было образом жизни. Гибридный «приус» еще мог прибавить несколько очков социальному статусу в Западном Голливуде, но властные верхушки привычно демонстрировали свою веру в будущее и неизбежность безудержного потребления тем, что вновь посвятили себя лучшему, что предлагала жизнь.

Борцы за помощь голодающим в Африке, движение в защиту окружающей среды, реформа выборов, альтернативное топливо, строительство жилья для бедных, все эти зеленые любых оттенков, казалось, припахивали показухой, самовосхваляющим аскетизмом, который выдавал в них явное отсутствие оптимизма.

Если даже богатые, как видно, не верили в то, что потом будет лучше, какая же надежда оставалась народу?

Я назвал свое имя у ворот, дал точеному и суровому, как они все, контрактнику в черной форме «Тысячи журавлей» просканировать мое национальное личное удостоверение с радиочастотной меткой, прижал большой палец к биометрическому датчику, подождал, пока ему позвонят и подтвердят, что мне назначено, и взял парковочный билетик, который контрактник вручил мне, обратив внимание на знак с предупреждением, что с меня возьмут по двадцать пять долларов за каждые пятнадцать минут дополнительного времени.

Я повторил аналогичный процесс у стойки безопасности и в лифтовом холле северной башни Сенчери-Плаза.

В прежнее время сороковой этаж не считался бы уровнем пентхауса, но верхние четыре этажа обоих зданий освободили от обычных обитателей, и на их место пришли общевойсковое командование и наблюдательные посты. Там располагалась штаб-квартира Южнокалифорнийского командования войск на ТВД, где находились координаторы из ЦРУ, ФБР, Бюро по контролю над алкоголем, табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, Управление национальной безопасности, Управление по борьбе с наркотиками, Комитет гражданской обороны, Федеральное агентство по управлению чрезвычайными ситуациями, Бюро таможенного и пограничного контроля, полицейский департамент Лос-Анджелеса, управление шерифа Лос-анджелесского округа и, как я слышал, представители Гильдии режиссеров, Гильдии киноактеров и Гильдии сценаристов Америки.

Хотя, может быть, так просто шутят в Лос-Анджелесе.

Верхние этажи обеих башен, сорок четвертые, были полностью освобождены. Эти этажи пришлось очистить, чтобы установить дополнительные несущие балки для удержания веса батарей «авенджеров» и усовершенствованных «хоков», которые доставили и разместили на крышах вертолеты «Чинук». Эта комбинация боевых средств ПВО предназначалась для защиты башен от всего: от вертушки дорожной полиции до «Гэлэкси-С-5»⁷.

Как обычно, артиллерийский прицел указывал дорогу в безопасное будущее.

Стоя у углового окна северной башни, глядя вверх на нос «хока», высывавшийся из-за края южной башни, я не мог не задуматься о том, какой возникнет хаос, когда после запуска одна из этих штук обрушит град обломков и битого стекла на крытые теннисные корты здания «2000-я авеню Звезд». Банкиры и юристы, изувеченные во время обеденного гейма, подадут в суд на Пентагон, выиграют дело и наложат арест на валовой национальный продукт.

– Вас что-то забавляет?

Я отвернулся от окна, стирая легкую улыбку, на миг растянувшую мои губы.

– Искалеченные адвокаты.

Она подняла глаза от стоявшего перед ней механизма, подумала и выдавила несколько капель средства для чистки оружия «Берчвуд Кейси» на кончик ватной палочки.

– Да, это я понимаю.

Я пересек начищенный бамбуковый пол, скользя ногами в шелковых носках, держа руки в карманах, где они должны были находиться всегда в ее присутствии. Ее многочисленный персонал и подчиненные считали недостаточным просто забрать у меня оружие. Правда, это не я лично вызывал у них такие подозрения. Насколько я понимал, все, кто допускался к ней в офис, должны были тоже держать руки в карманах.

Чересчур болтливый ее сотрудник, встречающий посетителей в вестибюле, с которым я случайно столкнулся, когда зашел выпить в «Камео» на Санта-Монике, поделился со мной, изрядно нагружившись коктейлями на саке, что посетителям без карманов здесь предоставляли регулируемый пластиковый пояс с двумя тряпичными мешочками, которые изнутри были выложены одноразовыми салфетками. Ему казалось, что в элегантном черном блейзере с карманами гостям будет удобнее, и он собирался следующим же утром сделать это предложение лично секретарю своей работодателя.

После той встречи я больше не видел молодого человека в офисе. Едва ли он лишился работы из-за того, что его предложение сочли наглостью, но скорее из-за недостатка проницательности и непонимания, о чем свидетельствовало его предложение. Если он не понимал, что смысл пояса заключался в унижении посетителя, который не догадался прийти в одежде с карманами, то этим он продемонстрировал, что не относится к людям ее типа.

Но людей ее типа не было вообще.

Ни знакомых, ни родственников, ни коллег.

Уникальная и ужасная. Такая же экзотическая и почти такая же мифическая, как дракон, вытатуированный у нее на руке.

Я никогда не забывал про карманы, когда приезжал с визитом. Мои руки покоились в карманах из легкой шерстяной ткани бежевого цвета, дно левого было прошито тонкой полоской практически бесшумного микропласта, который я мог прорвать, если понадобится добраться до керамического ножа с каплевидным лезвием «Бокер инфинити», висевшего вдоль мошонки. Небольшое усовершенствование на заказ, я попросил портного сделать его после того, как впервые пришел на встречу к ней в офис. Мистер Ли успел сшить для меня эти самые карманы до того, как его убило шальной пулей, когда гангстер из Маленькой Эфиопии грабил «Чертик из табакерки» неподалеку от его ателье.

⁷ «Гэлэкси-С-5» – стратегический военно-транспортный самолет повышенной грузоподъемности.

Для вашего сведения, я не имел никакого отношения к безвременной кончине мистера Ли, случившейся вскоре после того, как он сшил эти и аналогичного покроя брюки черного и темно-синего цвета. Мне бы и в голову не пришло убить прекрасного портного, даже ради сохранения тайны, от которой зависела моя жизнь.

Однако в интересах полноты информации надо заметить, что наша встреча с парнем из ее офиса в «Камео» была неслучайной. На самом деле я подслушал, когда он рассказывал коллеге о планах на вечер, и постарался оказаться в том же месте. По правде говоря, все секретные сведения, которые я выудил из него, не представляли особой ценности, но он был поверхностно обаятелен, очень спортивен, чрезвычайно уступчив и ушел из гостиничного номера, который я снял для нас, задолго до того, как я бросил притворяться спящим и встал, чтобы заказать завтрак.

Так что это была не полная потеря времени.

Тидзу, хозяйка «Тысячи журавлей», смотрела, как я подхожу к ее рабочему столу, который представлял собой прямоугольную плиту красного дерева, отполированную и натертую тем же маслом, что было в ее руках. Она сидела перед ним на коленях, на одной тонкой подушке, а вторая была зажата между узкими ягодицами и пятками крошечных ног.

Она не подняла глаз.

– Вас всегда забавляет что-то мертвое или изувеченное?

Я перестал скользить по полу. Приподнялся на носки и опустился на пятки.

– Нет. Редко. Если вообще забавляет. Я вас уверяю, это была горестная улыбка.

Она чуть хмыкнула и обратила свое внимание на выпотрошенный «Рем-Блик» 1928 года. Она промокала чистящим средством крепление одной из тридцати клавиш лепестковой пишущей машинки, отдаленно напоминающей насекомое.

– Мне нужно, чтобы вы нашли для меня кое-что.

Я позволил себе поднять взгляд, дал ему перескочить через дюжину ячеек в стеллаже, составлявшем длинную заднюю стену ее кабинета. В ячейках стояли пишущие машинки всех эпох, вплоть до того времени, когда текстовые процессоры нанесли им смертельный удар. Впрочем, не совсем смертельный, как свидетельствовала китайская «Дженерейшн-3000» производства 2005 года, выставленная в верхней ячейке. И надо сказать, по мере того, как ситуация становилась все хуже, ручные пишущие машинки были готовы вернуться. Однако хотя все они от первого «Ремингтона» 1873 года с деревянным корпусом и золочеными деталями до восточногерманской «Грома Колибри» чудесной обтекаемой формы и комически стилизованной под 80-е «Дженерейшн-3000» находились в рабочем состоянии, ни одной не суждено было согдиться хоть на что-то, кроме периодической легкой чистки, такой же, которой подвергался сейчас «Рем-Блик». В бесконечном круговращении она ухаживала за машинками, смазывала движущиеся части, заменяла сухие ленты, тщательно сдувала пыль сжатым воздухом и возвращала каждую в отдельную освещенную ячейку на выставочной стене, пока снова не придет ее время.

Остальные стены были стеклянные, две обширные плоскости стекла, которые затачивали ее рабочий кабинет в точку, решительно указывая на запад, к океану и дальше, к ее островной родине.

Я стоял спиной к тому месту, откуда она выкуклилась, рассматривая пишущие машинки. И ее просьбу.

– Искать вещи – это не совсем та задача, для которой меня лучше нанимать.

Женщина взяла квадратик марли.

– Но вы способны ее выполнить.

– Да, способен. Но...

Она провела марлевым квадратиком по нижней стороне клавиши «V», удаляя натекший излишек масла.

– Но вы предпочли бы за нее не браться?

Я покрутил пальцами, жестом изображая относительное равнодушие.

– Признаюсь, что чем старше я становлюсь, тем меньше меня интересует работа, которая не представляет сложности. Возвращение потерянной или украденной вещи не представляет особых возможностей для приобретения нового опыта.

Тидзу бросила промасленную марлю на стальной поднос, где более уместно смотрелись бы окровавленные хирургические инструменты.

– Вам будет заплачено по вашему обычному тарифу.

Я сдержался и не ответил, что и не подумал бы работать за оплату меньше моего обычного тарифа. Я давно миновал то время, когда работа по минимальной ставке могла серьезно меня заинтересовать, даже если мне и нравился проект.

Я снова посмотрел на пишущие машинки.

– Есть одна вещь, которую я сам давно хочу приобрести.

Она подняла глаза от своей работы.

– Что же это?

Я кивнул на восток.

– Произведение искусства. Или, точнее, фрагмент произведения искусства.

Тидзу отложила ватную палочку и пальцами в белых перчатках пригласила меня объяснить подробнее.

Я закрыл глаза.

– В сентябре 2007 года в арсенале Седьмого полка в Нью-Йорке дюжина профессиональных мотоциклистов под предводительством Винка-1100⁸ расчертили тормозными полосами плоскость выкрашенной черной краской фанеры размером 22 на 38 метров. Черная краска под их колесами стерлась, и из-под нее проявился слой ярко-оранжевой краски в виде линий и загогулин.

Носком ботинка я прочертил длинную арку на блестящем полу.

– В целом это была задумка Аарона Янга, который позднее руководил процессом, когда мистер Винк-1100 самостоятельно украшал это произведение завитками, а также неясно читаемой подписью «А.Я.07».

Я нарисовал ногой загогулину.

– По завершении эту массивную работу должны были разрезать на фрагменты разной величины от довольно мелких, которые можно повесить на стену, до крупных, размером с рекламный щит. Однако случился пожар, который уничтожил практически всю поверхность, оставив кое-что лишь по углам и краям, которые удалось восстановить. Работу тут же признали выдающимся коллекционным предметом, и ее фрагменты расхватили разные магнаты недвижимости, инвестиционные банкиры, рок-звезды и наследники миллионеров в третьем поколении. Неудивительно, что самыми вожеленными фрагментами были те, которые подписал огонь.

Я открыл глаза.

– Один из этих фрагментов поступил в продажу.

Она стащила с левой руки шитую на заказ четырехпалую перчатку. Пятый палец на всех ее левых перчатках стал лишним еще в далеком прошлом, когда она решила что-то кому-то доказать и отрубила себе мизинец.

Перчатку она отложила в сторону.

– Звучит чудовищно.

Я кивнул:

– Со всей определенностью. Абсолютно.

⁸ Винк-1100 – мотоциклист-каскадер.

Она стащила другую перчатку, с традиционным количеством пальцев.

– И цена вам не по карману?

Я покачал головой:

– Дело не в этом. Однако не думайте, что она не высока. Но нет, мне от вас нужен не сам фрагмент.

Я повернулся и посмотрел на юг, где в особенно ясную ночь когда-то можно было увидеть плавно вращающиеся точки света – неторопливые мошки плотного воздушного движения над лос-анджелесским аэропортом.

– Я добиваюсь довольно хороших результатов на местном уровне, но безопасная доставка через всю страну – в лучшем случае операция с сомнительным исходом и убийственно дорогая. – Я снова повернулся к ней. – Я более чем способен понести все расходы, но в таком случае я не желаю доверяться ни одной транспортной службе, кроме самой надежной.

Большой палец на ее левой руке согнулся и через ладонь потер бугорок шрама, где когда-то был ее мизинец. Жест, по всем признакам автоматический, но все-таки, я не сомневался, изначально усвоенный для того, чтобы нервировать. Однако в сферах власти и влияния, где она вращалась теперь, едва ли очень многих могла обескуражить перспектива самоувечья. Мне представилось, что свойственная движению рассчитанная отстраненность использовалась так долго, что эволюционировала и стала обладать той спонтанностью, к которой когда-то только стремилась.

Наблюдение, которое могло привести к моему убийству, если бы я посмел его озвучить. Тидзу не хотела, чтобы кто-то лез в ее психику. Это подразумевало интерес влезавшего к тому, почему и зачем она что-то делает. Интерес, который нельзя было счесть полезным. Для заинтересованной стороны.

Она перестала тереть шрам.

– Вы бы хотели получить доступ к моей инфраструктуре.

Если бы мог, я бы поднял руку отрицающим жестом.

– Я хотел бы сделать заказ на доставку. И попросить вас лично проконтролировать выполнение заказа.

Она встала с грацией, как будто от потолка к ее макушке была протянута нить, которая плавно потянула ее вверх и поставила на босые ноги.

– На доставку вашей чудовищной картины?

Я снова посмотрел на окна, на этот раз выходящие на север, там в сгустившихся сумерках пылало неугасимое зарево лесных пожаров над границей Санта-Моники.

– Ей суждено войти в мою апокалиптическую коллекцию.

Она обошла стол, ежик на ее макушке был не выше моего плеча.

– Глядя на этот вид, я не вижу необходимости в такой коллекции.

Я пожал плечами, беспомощный против одного из моих влечений.

– Я не могу не думать, что в ее создании неоспоримо проявился признак близкого конца. Даже если этого не увидели.

Она встала у окна.

– У него есть имя, у этого предвестника?

Я улыбнулся ее отражению.

«Поздравительная открытка».

Ее губы дернулись и растянулись в улыбку, которую она позволила себе.

– Да. Я могу понять, чем она привлекает.

Я подошел к ней.

– Я так и думал, что вы поймете.

Я смотрел на ее профиль, восхищаясь гладкостью ее лица, более заметной в контрасте с седыми волосами, гладкостью, которая свидетельствовала о долгой бесстрастной жизни; отсут-

ствие морщин говорило, как скрывалась досада, подавлялся смех, разглаживались нахмуренные брови, распрямлялись поджатые губы.

Вызвать улыбку на этом лице было очень приятно.

Поэтому я благодарно склонил голову.

– А вам, леди Тидзу, что вам нужно найти?

Улыбка пропала, и она подняла на меня глаза.

– Какого вы мнения об этих анахронизмах? – Она обернулась к стене с устаревшими машинками. – О моей коллекции.

Я почувствовал пульсацию в толстом комке багровой рубцовой ткани у меня за ухом. Под ним уже несколько десятков лет сидел осколок шрапнели, напоминавший мне о своем присутствии, когда приближались нетипичные изменения в атмосфере.

Я сжал губы.

– Некоторые очень красивы. Другие нет. Меня восхищает полнота коллекции. То, что ни одна машина не кажется более значительной, чем остальные. То, что они расставлены явно с какой-то задумкой. Каков бы ни был принцип, его сразу не видно. Это не эпоха, не страна производства, не цвет, не технические характеристики, не размер, не состояние. Все эти качества распределены произвольно, но не всегда равномерно. Безусловно, там есть равновесие. И порядок. Меня не привлекают эти вещи, но я понимаю потребность иметь такую коллекцию. И я восхищаюсь ею.

Она посмотрела в ночь.

– Пишущие машинки, вокруг которых располагаются остальные, те отличительные признаки, на которых строится коллекция, – это машинки, на которых самоубийцы отпечатали свои предсмертные записки. И после этого больше ни слова.

Я снова посмотрел на механизмы и в свете нового знания увидел, что некоторые из них были едва заметно акцентированы, увидел кажущуюся дистанцию между ними и окружающими машинками, как будто неодушевленные предметы не хотели приближаться к трагедии и безумию.

Я кивнул и повернулся к ней:

– Ясно.

И снова наклонил голову, как бы ценя доверие, с которым она поделилась со мной этой подробностью.

Ее изувеченная рука приподнялась, отказываясь от моего подношения.

– У этих конкретных машинок бесспорное происхождение. Должно быть. Но в последнее время они уже не так увлекают меня, как раньше. Как будто чувства притупились. И я задумываюсь. О той жажде, которую я испытывала к подобным вещам.

У нее на предплечье несколько раз дернулась мышца, заставляя биться сердце в груди дракона.

– Что может насытить ее?

Она посмотрела на меня; в почти черных глазах отражалась та же кромка огня, что и в горах.

– Внешний жесткий диск. На нем то, что принадлежит мне. Он должен быть мне возвращен. И о нем не должно остаться никакой памяти.

Я поклонился в последний раз, соглашаясь на контракт.

При этом я заметил напряжение в грудино-сосцевидной и трапециевидной мышцах ее шеи, выдававших большое усилие. Я не сомневался, что это усилие сопротивлялось противоположному напряжению, тому самому, от которого ее шея приняла бы недвусмысленное натужное положение, первый внешний признак бессонницы.

Я отвернулся, не желая выдать свое открытие. И таким образом я выдал себе свои же сомнения в том, что успею воспользоваться спрятанным клинком, прежде чем она поймет, что

я разглядел ее новую слабость, и высвободит дракона, который, как говорила ее татуировка, сидел под самой ее кожей в нетерпеливом ожидании.

Глава 5

9/7/10

Капитан Бартоломе снова устроил мое задержание. Прислал дедов Хаундза и Клейнера. Они забрали экстази (30 таблеток «бельгийского голубого»), демерол (15 магазинных капсул) и валиум (20 магазинных упаковок) из моего запаса и заменили их на унцию низкосортной мексиканской марихуаны, во всяком случае, так казалось с виду. Капитан считает, что задержания – по-прежнему самый безопасный для нас способ встретиться лицом к лицу. А я думаю, что, если кто-нибудь посмотрит протоколы моих задержаний, это скажет ему слишком много. Меня то и дело забирают и выпускают. И не важно, что в обезьянник меня всегда сажают разные полицейские на разных участках. Любой, кто не поленится заглянуть в папку, сложит два и два. Либо я стукач, либо тайный агент. И так и эдак меня поставят к стенке. Бартоломе говорит, чтоб я не волновался. Мол, никто, кроме других полицейских, не увидит мое досье. А я возражаю, что это меня и беспокоит. Хаундз и Клейнер. Много ли надо, чтобы купить этих двух? Впрочем, нет. Если они оба дорампартовских времен⁹, это еще не делает их продажными. Или не более продажными, чем любой наркоман, выбирающий из запасов дилера что послаще. Но если не они, так кто-нибудь другой. Какому-нибудь другому полицейскому могли заплатить, чтобы тот заглянул в мое досье. Бартоломе говорит, такого не случится. Говорит, что слишком далеко заходить не будет. А я считаю, что уже слишком далеко. Слишком долго. Я слишком долго этим занимаюсь. Пока я сидел и беседовал с ним, я не меньше беспокоился о том, что клиенты разрывают мой телефон, чем о том, чтобы поскорее сказать Роуз, что со мной ничего не случилось. Бартоломе утверждает, что дилеры всегда заставляют клиентов ждать. Что это вроде как «принцип работы». Но он этим не занимается. Люди, к которым он меня подсылает, не привыкли ждать. В этом и был весь смысл того, чтобы я этим занимался. Он говорит, что у меня и так слишком много клиентов. Говорит, что нет смысла задерживать их дольше, чем на пару недель. Говорит, наше дело – не торчков ловить, а искать «дрему». «Если у них нет связи с „дремой“, не отвечай им, и все». Но ведь мне необходимы рекомендации, чтобы найти новых клиентов.

И некоторым из них нужно то, что я им достаю.

Шривар Дхар оставил пять сообщений. Он на последней стадии, мучается, и только шабу не дает ему впасть в состояние быстрого сна на ходу. Каждый раз, когда он входит в цикл быстрого сна, ему мерещится Каргильская война. Он был офицером во время лобовой атаки на пакистанские позиции, недоступные для гаубиц «бофорс» и авиации. Подъем на пять с половиной тысяч метров, почти 18 градусов мороза, в темноте. Его дом стоит на склоне. Когда у него галлюцинации, он атакует склон, падает на живот и ползет, дрожа и плача. Он говорит, что чувствует, как замерзает. Шабу не дает ему проваливаться в забытье. Он чувствует тело и боль, но говорит, что лучше уж так, чем возвращаться в Каргил.

Бартоломе хочет, чтобы я его сбросил.

Я сказал ему, что Шривар ввел меня в совершенно новый круг богатых кашмирцев с западным образованием. Таких, у кого есть связи, позволяющие контрабандой ввозить «дрему» из Южной Азии. Если я сброшу его, прежде чем он умрет, я оттолкну их всех. Он ничего не ответил. Но больше не настаивал, чтобы я избавился от Шривара. Кроме упакованных таблеток, которыми можно было заполнить несколько флаконов, до сих пор в больших количествах мы видели только контрабандную подделку. Возможно, и дальше будет тоже по

⁹ Скандал Рампарта – один из крупнейших коррупционных скандалов в США, получил название от отдела по борьбе с уличными бандами лос-анджелесского района Рампарт.

мелочи, так как у «дремы» надежные каналы поставок. Возможно, нет таких продажных типов, которые пытаются залезть в эти поставки. Настолько жадных, чтобы так рисковать. Однажды я высказался в таком духе при Бартоломе. Он не засмеялся вслух, но только потому, что сдержался. «Всегда найдется кто-нибудь достаточно жадный и продажный, если можно наварить эдакие деньги, – сказал он. – Если даже сначала он не жадный и не продажный, деньги его таким сделают». Бартоломе не может себе представить, что нечего задерживать. Что нет никаких крупных партий «дремы». Надеюсь, он ошибается. Но, скорее всего, он прав. Так что мне придется продолжать поиски.

Когда я рассказал ему об убийстве на ферме, он повел себя как-то странно. Как это у него бывает, когда он уставится на меня и стучит по столу, не сводя глаз. Не знаю, то ли это для устрашения, то ли он стучит по столу, потому что не может настучать мне по голове. Это совсем не похоже на то, что бы сделал мой отец, но так же ясно дает понять, что Бартоломе раздражен. Отец бы сидел совершенно неподвижно. Пришлось бы проверить его пульс, чтобы убедиться, что он не умер. Потом он спросил бы что-нибудь вроде «Скажи-ка мне, Паркер, по-твоему, это разумно?»

– Я сдал сочинение о личных качествах и начал готовиться к экзаменам в полицейскую академию.

Долгая неподвижность.

– Скажи-ка мне, Паркер, по-твоему, это разумно?

Короче, когда капитан Бартоломе стучит по столу, у меня возникает такое же чувство, которое возникало, когда отец задавал мне этот вопрос. Чувство, как будто мне нужно либо полностью объяснить, чтобы он понял, либо врезать ему со всей дури. Но Бартоломе не спросил, «разумно» ли это, по-моему, он спросил: «Какая нелегкая тебя туда понесла?»

Он не хотел, чтобы я туда ходил. Пару недель назад велел мне вычеркнуть их из списка клиентов.

Сказал, что у них «не тот уровень» и они не могут быть связаны с «дремой». Я пытался объяснить ему, что у них не только еще какой уровень, но и естественные связи с людьми всех социальных классов.

До меня не сразу это дошло. Сначала Бини был просто клиентом, пока я еще создавал свою легенду и распространял медицинскую марихуану, но именно он заставил меня увидеть потенциал, а потом он привел меня на фарм.

Сейчас люди не выходят из дома. Бензин стоит слишком дорого, чтобы ехать куда-то, куда ехать не обязательно. Да и вообще выходить наружу становится все страшнее и страшнее. У серверов, на которых в основном держится Интернет, есть резервные источники питания на случай непредвиденных ситуаций. Даже если вырубится местный интернет-провайдер или электричество, сам Интернет никуда не денется. Так же как и игры. И эти люди пользуются игровой средой не только для обычного развлечения, они пользуются ею в социальном смысле. Родственники с противоположных побережий не могут позволить себе прилететь или приехать, чтобы повидаться друг с другом, и кто знает, что станет с телефонными компаниями, но онлайн-виртуальный мир типа «Бездны Приливов» останется. И чем больше времени люди проводят в этом мире, тем больше они проникаются им. Спрос на игровые артефакты, золото, персонажей высокого уровня очень большой. Реальная рыночная ценность виртуальных денег, вещей и людей растет тем выше, чем больше барахтается фондовый рынок. Теперь торгуют золотыми фьючерсами «Бездны». Фермеры, которые дни напролет рубят орков и зомби и собирают сокровища, пока не соберут достаточно, чтобы выставить их на рынок, накапливают почти такое же состояние в валюте реального мира. Как правило, в долларах. На данный момент евро и юани слабее против доллара, чем золото «Бездны».

В «Бездне» не важно, откуда ты и чего ты стоишь. В виртуальном мире нет классовых различий. Призрачный Рыцарь сотого уровня – продавец из местного продуктового магазин-

чика. Каменный Друид второго уровня – твой начальник. И у них есть место для взаимодействия, без которого они не встретились бы.

И все они обращаются к фермерам типа Хайдо и его ребят за тем, что им нужно.

Играют и неспящие. Неспящие играют больше, чем кто-либо другой. Двадцать четыре часа в сутки они могут находиться в виртуальном мире, и им не надоест. Полная бессонница становится преимуществом.

Роуз тоже играет. Ей и раньше нравились некоторые элементы игры. Те, которые были связаны с ее работой. Например, графика, хитрые сложности творения мира. Ее первый реальный хит – видеоклип, который она сделала для «Ган мьюзик», в нем все было о том, как группа уходит в игру. Но теперь она играет по-настоящему. Когда она не может как следует сосредоточиться на работе. А это теперь бывает практически всегда. По ее словам, у нее возникает чувство, будто она делает что-то реальное.

«Бездна Приливов».

Идеальное место, чтобы найти того, кто связан с «дремой».

Но капитан Бартоломе сидел и стучал по столу. Он спросил:

– Какая нелегкая тебя туда понесла?

Он велел мне держаться от них подальше. Сказал:

– Убийства – это не твое.

Я кивнул.

И я не сказал ему, что до этого Бини упомянул, что Хайдо Чанг может знать того чувака.

Если бы я хоть немного поспал, наверное, я сказал бы ему. С ясной головой я бы сделал то, что делаю всегда, представил бы полный и законченный доклад. Но я устал. Я могу спать, но у меня не получается.

Какая ирония жизни, да? По-моему, да. То есть я знаю, что да. Я думаю. Роуз могла бы мне сказать.

Роуз.

После оформления моих бумаг капитан Бартоломе надел на меня наручники и отвел к своей машине без опознавательных знаков. Снова рассвет. Меня продержали всю ночь.

Он повез меня назад через блокпост. С западной стороны выстраивалась автоколонна национальной гвардии, готовясь к патрулю с демонстрацией силы. В качестве одной из реакций на теракты. Мы проехали мимо танков и армейских вездеходов, контингента «Тысячи журавлей», и мы оба не сказали ни слова. Когда мы проехали мимо всех, капитан остановился у тротуара, освободил мне руки и довез до моей машины.

Она стояла на месте. И это неудивительно. Машины уже не угоняют. Но никто и не забрал бензин. Бартоломе подождал, пока я сяду в машину, убедился, что она завелась, потом высунул голову в открытое окно и снова сказал мне: «Это не твое. Держись подальше».

Я должен был тогда же сказать ему про внешний диск. Но он не хочет идти за расследованием туда, куда оно ведет. Он хочет идти только туда, где «крупные партии». Я не знаю, туда ли ведут убийства на ферме. И это не имеет значения.

Да, мое дело – «дрема», но Хайдо и его ребят убили во время расследования моего дела. И я не обязан объяснять Бартоломе или кому бы то ни было, почему это так, а не иначе. Просто это так.

Я позвонил Роуз. Она ответила через полгудка. Я сказал, что у меня все в порядке. Сказал, что всю ночь простоял в пробке, что из-за отключения энергии не работали вышки сотовой связи, и я не мог позвонить. Она сказала, что не спала всю ночь. И засмеялась своей шутке. Таким смехом, которым она смеется, когда знает, что никто, кроме нее, не понимает юмора. Я спросил про малышку, но это было не обязательно. Я слышал, как она плачет в трубке. Роуз сказала, что она только что расплакалась, а до этого несколько часов лежала тихо. Что она «спала как ангел».

Я понял, что она врет. Роуз никогда не говорит таких слов, вроде «спала как ангел». Роуз говорит слова вроде «она вырубилась, как пьяный матрос на берегу, после того как оттрахал всех шлюх в борделе». Но она уже целую вечность не говорила ничего подобного. С того самого раза, когда мы в последний раз были уверены, что малышка спала.

Я сказал ей, что люблю ее и буду дома через пару часов. Потом я поехал к Шривару Джару и дал ему одного из драконов из моего тайника. Чтобы он не возвращался в Каргил. Где еще хуже, чем здесь.

Парк со своей семьей жил в Калвер-Сити, в доме, проданном потому, что прежний хозяин не смог за него расплатиться. Первое время Парк мало что еще мог сказать о доме. Каждый раз, подъезжая к пожухлой без поливки лужайке перед домом, под стать всем остальным лужайкам, он чувствовал налет чужой неудачи.

Сначала он не хотел делать эту покупку, но Роуз была беременна и мечтала иметь свой дом, и она с первого взгляда влюбилась в него. Как только Парк увидел, как Роуз с большим животом стоит у кухонного окна и, улыбаясь, глядит во двор, пока еще заросший деревьями, ему не осталось ничего иного, кроме как ввязаться в унылые пререкания с продавцом. Казалось, что оба они торопятся согласиться с требованиями друг друга.

Теперь же он не мог отделить этот дом от самого себя. Дом, где родилась его дочь на их кровати, накрытой старыми больничными простынями. Дом, где впервые проявилась болезнь его жены, где она начала медленно разрушаться, теряя оболочки, постепенно обнажаясь перед ним до тонкого слоя страха, гнева и желания.

Стоя за машиной, он смотрел, как двое мальчишек из дома, расположенного выше по улице, забрались со своими скейтбордами на скат, который сами сделали из кирпичей и листов фанеры. Они съезжали со ската и переворачивали скейты в воздухе ногами, при этом приземляясь на четвереньки так же часто, как и на колеса. Один из них заметил, что Парк наблюдает за ними, и помахал ему. Парк помахал в ответ, потом взял из машины пистолет, отцовские часы, внешний диск, наркотики и вошел в дом, где услышал, как хнычет дочка.

Девочка лежала на спине посреди гостиной, на полу, распластавшись на игровом коврикe, молотя руками и ногами по висящим над ней игрушкам и погремушкам. Парк захлопнул за собой дверь с проволочной сеткой. Прохладный утренний воздух с океана уже накалился, и тоненький предвестник ветра Санта-Ана змеился в открытые окна и двери, метя пыль из угла в угол по деревянным полам.

Парк опустил на колени рядом с малышкой, позвал ее по имени, загугукал и поймал ее взгляд. Всего лишь несколько недель назад ее лицо осветилось бы широкой улыбкой при виде его, но это было в то время, когда она еще спала, до того, как она начала плакать. Он позвал Роуз по имени, подождал и позвал еще раз.

Он знал, что отсутствие ответа ничего не значит, но все-таки пошел через дом, замирая от ужаса.

И нашел ее в отдельном гараже, который они переделали в рабочий кабинет. Роуз сидела за компьютером, ее глаза стреляли взад-вперед между тремя соединенными широкоэкранными мониторами, на которых повторялся один и тот же заикленный отрывок из старого черно-белого мультфильма, где скелеты с болтающимися костями отплясывали на кладбище.

Сначала ему показалось, что она опять ушла в «Бездну», но потом он заметил двумерное искусство ручной анимации.

– Роуз.

При звуке своего имени жена чуть приподняла лицо, не отводя глаз от экранов.

– Привет, милый. Который?

Парк подошел ближе.

– Который?

Ее палец оторвался от беспроводной мыши.

– Который тебе больше нравится? Я весь день сижу над ними, пытаюсь отловить последовательность, которая длится ровно три чертовы секунды, чтобы вставить ее в припев нового трека «Эдисонз элѐфант», когда у них там такой олд-скульный скрэтч¹⁰. Вот видишь, они взяли сэмпл со старой пластинки Патни Дандриджа «Скелеты в шкафу», и я подумала, что было бы круто использовать этот кусочек из диснеевских «Наивных симфоний». «Танец скелетов», да? Никто, конечно, не поймет, что это за сэмпл; но будет типа подсознательный намек. Только в оригинале никак не находятся три секунды, которые подошли бы как есть. Я все режу и режу кадры, но никак не могу сохранить эту потрясающую плавность целлулоидной анимации. Вот эти три – это лучшие, которые я нашла. Я все глаза сломала себе, никак не могу выбрать, какой лучше подойдет для видео. И где мой на фиг поцелуй?

Парк наклонился и поцеловал ее. У обоих были сухие и потрескавшиеся губы.

Роуз отодвинулась.

– Ты что, сдурел, Парк?

Она уставилась на пистолет, который он еще не выпустил из руки.

– Ты же знаешь, я не хочу, чтобы в нашем доме была эта дрянь. Трудно, что ли, оставить его на твоём паршивом участке?

Парк пристегнул кобуру с пистолетом к ремню на пояснице, где его было не видно.

– Роуз.

Жена опять вперилась в экраны.

– Да, что? Я тут пытаюсь работать, милый.

– Малышка плачет.

– Что?

– Малышка.

Ее палец щелкнул мышью, изображение на одном из экранов замерло, она подвинула зеленый бегунок внизу на долю миллиметра влево и отпустила кнопку, и скелеты снова заплясали для нее.

Она подняла на него глаза.

– О чем это ты?

Парк коснулся ее макушки, где вдоль пробора посередине пробивалась седина.

– Малышка, Роуз; она плачет. Она одна в доме, она плачет.

Когда лицо жены изменилось, это было похоже не столько на приподнятую вуаль, сколько на нырлящика, который вынырнул на секунду, почувствовав, что не хватает кислорода, и после короткой передышки его снова утащило вниз.

Парк смотрел, как память жены погружается и ее настоящее «я» всплывает на поверхность.

– Малышка. Господи. Черт. Давно? Черт, Парк, сколько ты еще собирался торчать со мной?

Роуз вскочила со своего монтажерского кресла, которое закрутилось на месте, и пошла к двери.

– Она плакала, когда ты вернулся? Я хочу сказать, почему ты не взял ее на руки, черт тебя побери?

– У меня пистолет.

Жена остановилась у двери.

– Ну конечно, у тебя пистолет. То есть, ну конечно, ты не можешь взять на руки плачущую дочь, потому что у тебя в руках пистолет.

¹⁰ Скрэтч – прием, при котором диджей прокручивает фрагмент композиции туда и обратно, и характерный звук, получающийся при этом.

– Я не люблю оставлять его нигде, кроме сейфа. И я не беру ее на руки, когда он при мне. Жена повернулась.

– Тогда убери его. Выкинь свой чертов пистолет и брось свою чертову работу, возвращайся домой и будь со своей дочерью, пока весь мир к чертям не взорвется и ее уже не будет у тебя, скотина ты безмозглая!

Парк ждал и смотрел, как она начинает осознавать происходящее, он жалел, что не может остановить это, хотя бы еще на немного продлить ее гнев, если он не в силах унять ее раскаяние, которое всегда следовало после гнева.

Она ударила себя по лбу кулаками.

– Черт, черт, черт, милый. Я же... Я не... Ты же знаешь, что я не... Я просто...

Уперлась ладонями в глаза.

– Я так устала.

Парк подошел к ней, отвел ее руки вниз.

– Я знаю. Все хорошо. Я тебя люблю. Все не важно.

– Нет, важно, важно. Вот это, и все равно так трудно, и я... Черт.

Он покачал головой:

– Роуз. Это не важно. Я не обиделся. Правда.

Ее голова повернулась на плач дочери, доносившийся из дома за маленьким двориком.

– Я просто... Если бы могли провести немного времени, мы вдвоем.

Он кивнул:

– Конечно. Я постараюсь освободить ночь. Я просто так и сделаю, освобожу одну ночь.

Франсин может побыть дома с ребенком. А мы куда-нибудь съездим на ночь.

Она выплывала из двери.

– Да. Это было бы... Я пойду проверю ее. Она... Я люблю тебя, милый.

– И я тебя люблю.

Роуз выскользнула, Парк стоял у двери кабинета, слушая, как она заходит в дом.

– Эй, малышка, милая моя, мамочка здесь. Я знаю, я знаю, ты права, да, я бросила тебя одну, я знаю. Прости меня. Мамочка виновата. Я виновата. Но знаешь что? Вот я пришла. Ага, это же я. Прямо здесь. И я люблю тебя. Люблю, люблю. Иди ко мне, иди, я с тобой, детка, я с тобой.

Перед тем как выйти из кабинета, Парк взглянул на мониторы и не увидел ни малейшей разницы в трех плясках скелетов.

Он пересек сухой двор, вернулся в дом.

В спальне, где они с Роуз когда-то спали вместе, еще до того, как она полностью лишилась сна, Парк вошел в шкаф-гардеробную, достал из кармана ключ, вставил его в замок сейфа «Пэтриот», расположенного на полке над вешалками, набрал серию цифр на клавиатуре, повернул ключ и открыл дверцу. Внутри лежали стопка документов, свидетельства о рождении, паспорта, разрешение на брак и разные финансовые бумаги, которые еще могли иметь какую-то остаточную ценность, а также «Вартхог-РХТ» 45-го калибра, который служил дублем для «вальтера», боеприпасы и дополнительные обоймы для обоих пистолетов, брошь из слоновой кости, которая раньше принадлежала матери Парка, четыре целлофановых свертка золотых крюгеррандов в тройскую унцию, флешка на четыре гига, где хранились все его отчеты по теперешнему заданию, и его запас товара в пакетиках, флаконах и бутылочках.

Наркотики, которые он взял из машины, лежали в выцветшей холщовой инженерной сумке грязновато-оливкового цвета, которую Роуз купила для него в армейском магазине на Телеграф-авеню, когда он переехал в Беркли, чтобы жить с ней после получения докторской степени. Он всегда жаловался, что в обычной курьерской сумке или рюкзаке недостаточно карманов, чтобы пристроить все его ручки, карандаши, студенческие рефераты, зачетные книжки, мобильный телефон, зарядник, ноутбук, запасной аккумулятор, разные диски, айпод, науш-

ники, обед и всякое прочее. Теперь в карманах сумки он пристраивал экстази, кетамин, фоксиметокси, разные виды героина, крэк, амфетамин и порошковый кокаин, жидкий ЛСД, квадратики темно-шоколадного гашиша, клейкие почки медицинской марихуаны, декстроамфетамин, бензилпиперазин, аддералл, риталин и два оставшихся дракона шабу, бережно завернутые в салфетки, так что они были похожи на оригами.

Парку нужно было записать свои запасы. Прошло больше двух полных круглосуточных циклов, почти три, с тех пор как он последний раз их записывал. У него в записях значилось многое из того, что он продал и купил, но так же, как в колледже и академии, он полагался на свою исключительную память и запоминал подробности, которые не имел возможности сразу записать на бумаге или диктофоне. Однако память начала фрагментироваться.

Нет, не начала; этот процесс уже давно был в разгаре.

Он не имел права допустить извращения фактов. Когда наступит время производить аресты, предъявлять обвинения, вызывать свидетелей, осуществлять правосудие, ему понадобятся точные сведения.

Имена, даты, количества. Совершенные преступления.

Возможно, капитан Бартоломе не видит ничего, кроме «дремы», но Парк не умел подходить к своей работе с «туннельным» зрением.

Он должен записать. Но он слишком устал.

И время, когда он мог выспаться, пролетело мимо, как будто он находился в заданном месте земного шара и ожидал идеального выравнивания с небесами, которое позволит ему подняться на орбиту, и, пропустив это окно, теперь был вынужден ждать, пока Земля снова не совершит полный оборот.

Парк сунул сумку на нижнюю полку сейфа. Снял обойму с «вальтера» и положил ее и пистолет рядом с «вартхогом». Обмотал флешку проводом, закрыл сейф и запер.

Пистолет спрятан. От всех, кто может им воспользоваться. В отчаянии.

Он подавил эту мысль. В доме хватало вариантов покончить с жизнью, если Роуз когда-нибудь решит, что с нее довольно. Запирая, он устранял только два из них.

Во всяком случае, это был не лучший способ защитить ее. Или ребенка. Лучший способ защитить их – делать то, что он делает. Этот похороненный мир, спрятанный, замерзший под внешним безумием, он должен был найти его, оторвать и сбить весь лед, чтобы мир освободился.

Парк прошел мимо гостиной, где Роуз кормила ребенка из бутылочки, потому что ее молоко пропало через несколько первых дней бессонницы, и не остановился, как бывало, любоваться на них. На их невероятность. На двоих людей, полностью принадлежащих ему, чтобы он их любил.

Вернувшись в кабинет, он выключил мониторы жены, спрятав скелеты, хотя и знал, что они продолжают невидимо танцевать; дотронулся до кнопки включения своего ноутбука «Гейтуэй», достал внешний диск с наклейкой биологической опасности из кармана штанов и воткнул USB-кабель.

И стал смотреть, как мир Хайдо возникает у него на рабочем столе.

Снизу экрана напал нездоровый светящийся зеленый туман, стирая знакомые Парку обои в виде коллажа из фотографий ребенка, который составила для него Роуз, и рассыпанные иконки, и по мере того, как он поднимался вверх, под ним открывалась гиперреалистичная свалка ржавого металлолома.

Автобойня где-то в Сан-Бернардино или Внутренней империи, которую Хайдо переделал в виде HDR-фотографии. Составленная на компьютере из одного и того же изображения с разной экспозицией, поскольку HDR-фотография была главной страстью Хайдо Чанга после игр, наркотиков, денег и женщин. Тем, о чем он говорил как о своем *высшем призвании*.

Двор автобойни на экране Парка с двойными рядами расплюснутых машин в середине, сложенных штабелями по десять штук, под небом, искаженным перьями быстро бегущих обла-

ков и буйной умброй южнокалифорнийского апокалиптического заката. Такой эта фотография могла присниться Ван Гогу. Густые мазки цвета лежали слоями с такой глубиной и рельефом, что казалось, будто, если провести кончиками пальцев по экрану, можно почувствовать неровности и впадины.

Взгляд Парка выхватил щит скоростного шоссе за высокой оградой двора из колючей проволоки. На щите был не указатель на ближайший съезд с автострады, а список HDR-форумов и фотобанков. Парк провел пальцем по сенсорной панели ноутбука, глядя, как курсор превращается в стрелку, потом в указующий перст и обратно. Его зрение приспособилось замечать мелкие детали, он стал различать помятые регистрационные таблички, где буквенно-цифровые номера были заменены на какие-то привычные названия: Google, eBay, Firefox, Pornoscoreia, YouTube, Facebook, Trash. А некоторые на не слишком привычные: modblog, tindernakes, felonyfights, shineyknifecut, riotclitshave.

Внешний диск был для Хайдо не просто дополнительным хранилищем, где он держал и защищал деликатную и ценную информацию вне локальной сети голдфарма, соединенной с Интернетом, он был клоном личного компьютера Хайдо. Зеркалом десктоповой мифологии мертвеца.

Парк водил курсором по экрану, глядя, как он погружает иконки на облупленных автомобильных наклейках, на заляпанных маслом рекламных листках на стенах офисной хибары, самолете, безголовом уличном фонаре. За ними всеми прятался либо домен, либо файл, который раскрывался, когда по ним проходил курсор, превращавшийся в руку. А потом он пересек почерневшую решетку из проржавленного железа, которая торчала из разрисованного граффити бетонного куба. Сами рисунки на удивление не ожили от прикосновения курсора, но на решетке он трансформировался в руку, однако то, что скрывалось за ней, не открылось.

Парк дважды щелкнул. Появилось окошко с запросом пароля.

Он поклевал клавиши указательными пальцами: XORLAR.

И папка открылась, мигнув, такая папка, которую можно найти в компьютере у любого бухгалтера, наполненная экселевскими таблицами.

Каждая помечена именем. Имя, фамилия, первая буква второго имени.

Парк провел пальцем вниз по тонкой черной линии вдоль правого края сенсорной панели, глядя, как пиктограммы плывут вверх по экрану и останавливаются. Потом мигнул, отвечая на какой-то подсознательный импульс, и медленно повел пальцем по второй линии, теперь пиктограммы покатались вниз, его глаза просматривали их слева направо, и тогда он поднял палец от панели: АФРОНЗО, ПАРСИФАЛЬ, К., МЛ.

В 2007 году шанс заболеть фатальной семейной бессонницей составлял один к тридцати миллионам.

До того момента все без исключения случаи фатальной бессонницы ограничивались примерно сорока семейными родами, в большинстве своем итальянскими. И вдруг, совершенно неожиданно, в начале 2008 года ситуация изменилась. Болезнь, которая, как считалось, содержится исключительно в участке генетического кода, наследственная белковая мутация, когда аспарагиновая кислота заменяется на аспарагин в кодоне 178, а в кодоне 129 присутствует метионин, необъяснимым образом сбежала с корабля на берег.

Когда обнаружили первые странные случаи, сначала, и вполне разумно, предположили, что, видимо, пациенты, к своему несчастью, были дальними родственниками одной из семей, наследующих фатальную бессонницу. Тот факт, что количество новых случаев убедительно опровергало эту вероятность и делало ее смехотворной, старательно замалчивали.

А потом появились новые случаи.

Во всех концах света появлялось все больше людей со спотыкающейся походкой, с напряженно застывшими шеями, испариной, булавочными зрачками сощуренных глаз. Их было

столько и в таких разных местах, что с семейной бессонницы пришлось полностью снять подозрения относительно ее возможного участия в этой загадке, и тогда истинный виновник был схвачен с поличным.

Коровье бешенство.

Или, более прозаически, губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота. Выяснилось, что большое количество людей подверглось этому заболеванию в результате глобального распространения американских сетей ресторанов быстрого питания и растущей популярности гамбургера.

Виновность ГЭКРС, уже хорошо известного прионного заболевания, схожего с семейной бессонницей, была очевидной. Правда, это была какая-то новая мутация ГЭКРС, заразность которой почти оправдывала худшие опасения, бытовавшие относительно самого коровьего бешенства, но наверняка связанная с ним.

Как было утешительно узнать, что именно убивает людей, лишая их сна. Знать, каким именем назвать воплощенное страдание. Знать, что мутировавшие прионы ГЭКРС, простые белки, неправильно свернутые в такой зловещей и губительной форме, что они разносили свою конфигурацию по всем здоровым белкам, с которыми соприкасались, возникли из-за поедания роял гамбургеров.

То, что некоторые зараженные были заклетыми вегетарианцами и сыроедами, не мешало этой теории, и в воздухе скоро запахло жареным. Волосатым, навозным, жареным шашлыком.

Организация «Люди за этичное обращение с животными» и Общество по предотвращению жестокого обращения с животными подали протесты в соответствующие органы, но публика была настроена против них. Однако это не значит, что у них не было союзников. Объединение борцов за права животных с Ассоциацией скотоводов стало одним из самых нелепых альянсов, которые предвещали быстрое превращение мира в картину, все меньше напоминающую Дали и все больше Иеронима Босха. О чем свидетельствовали обширные стада скота, расстрелянные пулеметами с вертолетов, залитые напалмом и подожженные. Коровий ад, в котором не все животные были мертвы. Прошу представить себе раненую корову, которая бежит в огне.

И насколько все были шокированы, когда оказалось, что в иссеченном мозгу жертв не обнаружилось никакой губчатой энцефалопатии.

Но овцеводы и куроводы неплохо нажились.

На этот факт указали некоторые из самых ярких телекомментаторов кабельного телевидения, когда те начали пухнуть от денег. Разумеется, факт конспирологический. В общем, их не приняли всерьез. Во всяком случае, никто, кроме скотоводов. Но, по правде говоря, когда проявляются признаки смертельной пандемии, далеко ли нужно идти, чтобы найти заговор?

Очевидно, что тут потрудились террористы.

Какие именно, вопрос отвлеченный. Вспышка никогда еще не виданной прионной болезни, одновременно поразившей весь мир? Можно ли сомневаться, с чем мы имеем дело? Нет, нельзя; террористы не дремлют. Практически все страны мира довольно быстро согласились насчет этого и вместе стали указывать друг на друга пальцем, а то и чем-нибудь более смертоносным.

И может быть, все они были правы.

Новая вирусная губчатая энцефалопатия со всеми симптомами фатальной семейной бессонницы. Возможно, она родилась в лаборатории. Искусственно взращенная бесконечными манипуляциями. Прикладная нуклеация, создание самоорганизующихся систем, сконструированный материал, который оттачивался, пока не была найдена особая причудливая форма, форма бессонницы.

Форма неспящего приона – НСП, как его называли, – в изолированном и изобличенном виде. Эта форма стала всем знакома. Она участвовала в качестве иллюстрации к любому репор-

тажу вечерних новостей, если он имел отношение к НСП. То есть практически ежевечерне. Что не имело отношения к НСП?

Знак на плакатах протестующих. За. Против. Даешь. Долой. Применять по мере надобности. Добавлять по вкусу.

Картинка на футболках в бесконечных вариациях. Скрученная и вытянутая для банки кока-колы. Затупленная и оквадраченная для логотипа MTV. Каллиграфически учетверенная над горящим «Гинденбургом» в качестве тупого жеста почитания «Лед зепелин».

Нескончаемые граффити. Черные выплески краски по краям – рисовали по трафарету. Вырезанные части в виде негатива для любой поверхности. Напоминающие, с какой-то непонятной пронзительностью, такой же нарисованный спреем портрет Андре Гиганта¹¹. Видимо, они резонировали с призраком его неминуемой смерти, тоже вызванной загадочной мутацией. Татуированные знаки отличия повышено вирулентного штамма ультранационалистического фашизма, который возникал в разных местах мира примерно так же, как и сама болезнь. Спонтанно и беспричинно.

Написанное краской слово на дверях домов, сообщающее оперативным группам, что внутри их ждет работа – обезглавить трупы, чтобы срезы их мозгов внести в реестр Центра по контролю и профилактике заболеваемости, а тела бросить в погребальный костер.

Одинокий символ тысячи записок о самоубийстве.

Замена числа зверя в словаре Армагеддона.

Сколько смысла и поэзии в одной закорючке ткани.

И наконец, она появилась в немного, но многозначительно измененной форме: сломанная надвое, проколота, в коротком рекламном мультфильме, с химической формулой DR33M3R.

Можно представить себе, как форма неспящего приона отражается в глазах менеджеров по продажам, как она раскалывается, словно пиньята¹², и долларовые знаки сыплются из нее и валяются кучей на землю.

Эти доллары не успели подобрать. Когда прошли слухи, что найдено средство от НСП, иммунизация, бальзам, воскресающий мертвых, народ пошел штурмовать лаборатории, где совершенствовались лекарства, офис, где его упаковка испытывалась на фокус-группе, фабрики, оборудуемые под производство.

Кровопролитие удалось свести к минимуму. У военных и полиции к тому времени уже был почти год опыта по укрощению безумия толпы. У них на вооружении были привычные пожарные шланги, электрошокеры, слезоточивый газ, резиновые пули и дубинки для уличных беспорядков, усиленные детищами Агентства по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам, такими как микроволновые излучатели, вызывающие тошноту световые сигналы и фокусирующие громкость звуковые проекторы, от которых буквально с дребезгом вываливались металлические зубные пломбы.

Лаборатории, офисы и фабрики выдержали нападение. И дело прояснилось. Не было никакого средства, панацеи. Только облегчение. Для страдающих миллионов лишь временное облегчение.

Шанс увидеть сны. Не более того. Химическая вилка, вставленная в закороченные розетки мозга, заплатка, дающая неспящим возможность уснуть и видеть сны. Облегчение мук, но смерть по-прежнему представлялась неминуемой. Раз, кроме пули, никаких других средств не оставалось, потянулись руки, сложенные горсточкой ладони. Мечты о сне.

Сны о «дреме».

Химическая спица, чтобы связать распушенный клубок заботы.

¹¹ Андре Гигант – профессиональный французский рестлер и актер огромного роста, страдавший акромегалией.

¹² Пиньята – большая полая игрушка из папье-маше, наполненная сладостями и безделушками.

Только на всех не хватит.

«Дремы» не хватит на всех. Не хватит, чтобы принести покой всем матерям, отцам, братьям, сестрам, дочерям, сыновьям, тетям, дядям, родственникам, друзьям. Жажда сна, всемирный голод и только один способ утолить всеобщий аппетит.

Так что доллары полились дождем. Если бы на год-два раньше, дождь полился бы из евро и юаней. Но первая истерия из-за НСП прикончила Европейский союз и мощь его объединенной экономики. Как только Италию посадили на карантин в качестве подозреваемого эпицентра болезни, хватило месяца без малого, чтобы все страны Евросоюза наглухо заперли границы. Торговля и туризм пришли в упадок, ксенофобия и национализм расцвели буйным цветом, и фунты, лиры, франки, дойчмарки и разнообразные другие затейливые раритеты вскоре были откопаны из-под камней в садах и снова введены в обращение. Что касается Китая, то мир увидел, хороша ли инфраструктура в стране дракона, когда в 2008 году землю затрясло. Десятки миллионов неспящих, выбывших из трудовых ресурсов и обременивших систему национального здравоохранения, плюс фактический конец экономической глобализации и сокращение спроса на дешевые товары сглазили китайское чудо. Двигатель экономики Китая затрясся, накренился и рухнул на землю, а за ним скоро последовали слитые в единое целое заводы промышленных городов, таких как Шэнь-чжэнь, когда горожане разбежались по деревням, убегая от чумы, бросая дома и дороги, которые пришли в негодность за считанные месяцы. Когда ударила великая засуха и стерла с лица земли рисовые посевы, это уже был почти необязательный форшлаг к коллапсу.

Доллар янки снова правил бал.

Объединенная тяжесть фиаско на ипотечном рынке, рухнувших инвестиционных и коммерческих банков, замороженных кредитов и пожирающих ВВП военных приключений в Ираке, Иране и Афганистане, конечно, ранили зверя, но как только США де-факто объявили дефолт, отказавшись платить международным кредиторам, они с ревом вернулись к жизни.

Дороги и мосты разрушались, водные пути высыхали и забивались мусором, леса горели, переход к государственной системе здравоохранения, совершенный в последний момент, внушал византийский ужас миллионам, оказавшимся в его когтях, электроэнергия регулярно отключалась, бензин угрожал превратиться в предмет роскоши, и не всегда можно было рассчитывать, что в местный супермаркет на этой неделе завезут туалетную бумагу, но уровень жизни в США и прежде был настолько выше, чем в большинстве стран остального мира, что у них оставалось довольно места, чтобы падать, прежде чем окончательно рухнуть на землю. Глобальный дефицит продовольствия мог бы сильнее ударить по США из-за умерщвления коров, но был несколько нейтрализован, так как кукурузу, которая шла в корм основному поголовью, направили на пропитание людей. Кукуруза, которую биоинженерия давно уже сделала устойчивой к вредителям и засухе, стала новым главным продуктом Америки, как и всего мира; просто у нас его было больше.

Свободная от иллюзии, что ее долги когда-то могут быть выплачены, Америка снова была богата. Да, она втянула голову и лапы, как ошипованная черепаха в щетине межконтинентальных баллистических ракет, экспедиционных войск, устанавливающих огневые мешки вокруг нефтяных месторождений в Ираке, Венесуэле и Бразилии, но все же, так или иначе, она была источником сна.

«Дремы», опоры новой мировой экономики.

Ходили слухи.

Кое-кто считал странным, что столь специфический препарат, как DR33M3R, находился на такой продвинутой стадии разработки к моменту, когда неспящий прион атаковал. В конце концов, с какой стати кто-то мог предугадать потребность в искусственном гормоне, который даже в самом поврежденном мозгу, искалеченном амилоидными бляшками и усеянном звез-

дочками астроцитов, мог пробуждать долгие, накатывающие дельта-волны, способные убаюкать вспышки быстрой фазы сна?

Не обошлось без закрытых слушаний в конгрессе. И как говорили, на все вопросы был получен ответ. Или, во всяком случае, на все заданные вопросы. Каковы бы ни были эти вопросы. В любом случае, когда раскрылись двери, держатели патента на «дрему» вышли с улыбками на лице.

А почему нет? Может быть, миру и наступил конец, но у «Афронзо – Нью дей фарм» было то, чего хотели все, пока шли конечные титры. Это светило в улыбке на лице Парсифаля К. Афронзо-старшего, пока он читал подготовленное заявление: «Наступил рассвет нового дня».

И Парк в тот месяц, когда вероятность заразиться НСП выросла до одного шанса из десяти, видя имя «Афронзо, Парсифаль, К., мл.» на экране своего компьютера, подумал о том, что тогда сказал Бини, что Хайдо знает «того чувака». Парк открыл файл, развернул таблицу с ячейками, наполненную длинными рядами цифр. Они затронули какую-то смутно знакомую струну, но не родили никакого смысла. Он слушал эту струну и думал, что, может быть, слышит треск льда, намерзшего вокруг мира. И он не знал, что это за звук: разлома, возмещающего оттепель, или нового намерзающего слоя.

Глава 6

Мой взгляд, брошенный предыдущим вечером из северной башни Сенчери в сторону аэропорта, оказалось, был пророческим. В то время как запрос национальной гвардии на непосредственную авиационную поддержку для операции восточнее шоссе I-5 требовал перераспределения ресурсов, рассвет застал меня на одном из вертолетов «Тысячи журавлей». Он летел на высоте, которая, дай бог, сделает нас недоступными для жителей Креншо, на случай если им придёт в голову поразвлечься, стреляя наугад, пока мы пересекаем их воздушное пространство при заходе на посадку. Нельзя сказать, что риск был очень велик. Да, некоторая доля армейских боеприпасов нашла дорогу в этот район, но достоверно подтверждена была только стрельба из пары «стингеров» и ракетных комплексов класса «земля-воздух». И только одна цель была поражена.

Пока вертолет менял направление над южным Вермонтом, я видел поверх плеча воздушного стрелка у двери и пулемета M60D в его руках перевооруженную территорию Христианского центра Креншо, знак поперек парковки, провозглашавший, что здесь по-прежнему «КУПОЛ ВЕРЫ», хотя больше половины этого купола было выворочено огнем во время налета тактической группы Бюро по контролю над алкоголем, табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами.

Правда, мне говорили, что вера, как и надежда, умирает последней. Так почему же не ее купол?

Потом мы снижались над состоявшимся из лачуг, расплзшимся поселком, который занимал окружавшие аэропорт участки долговременной парковки. Здесь жили бежавшие от повстанческих отрядов в Инглвуде.

Во время снижения над лабиринтом противопожарных колодцев в наушниках раздался голос пилота вертолета, говорившего с французским акцентом:

– Я летал на «Белле», когда работал с «Врачами без границ» в 2007 году. В Дарфуре. Еще до окончательного геноцида.

Он предоставил стрелку и мне самим догадываться, почему он счел нужным нарушить молчание этим фрагментом биографии.

На земле, сняв наушники и задержавшись на секунду, чтобы взъерошить волосы и придать им хоть какую-то форму, я нацепил мои винтажные очки «Данхилл-6011» и наклонился к летчику:

– Я буду отсутствовать не меньше двух часов.

Пилот продолжал щелкать выключателями, завершая отключение.

– Для разрешения на взлет нам нужно уведомить за полчаса.

Сознаюсь, брови у меня выползли за пределы огромных стекол моих очков.

– Полчаса?

Он ткнул пальцем в небо.

– Сейчас не то, что было раньше. Летают. Нужно уведомить за полчаса, потом можно двигаться.

Пилот показал в направлении реквизированной министерством обороны США южной ВПП аэропорта.

– Если только эти хреновы военные не закроют воздушное пространство. Тогда... – Он повернул палец к земле. – Тогда будем ползти.

– Даже «Тысяча журавлей»?

Летчик пожал плечами:

«Тысяча журавлей» доставляет оружие, но Пентагон оплачивает счета. Когда они велят, все птицы превращаются в додо, и мы тоже. Иначе... – Он изобразил пальцами нацеленные в

небо ракеты. – Стреляют первыми, без предупреждения. – Пилот наклонил голову на восток. – Тот рейс «Эйр Индия», говорят, их сбили боевики. Удачно попали из «стрелы», еще советской. Да?

Я кивнул.

Он покачал головой:

– Merde. Дерьмо собачье.

Плюнул в окно в сторону зеленовато-серых палаток.

– Без башни. Стреляли без разбору. Да?

Я кивнул, прекрасно понимая безбашенность стреляющих без разбора американских войск на стрессовых позициях.

– Да.

Он показал на часы:

– Через полчаса после уведомления. Сообщите на подходе. Я буду готов к взлету.

Пилот сделал жест, как будто нажимал кнопку большим пальцем, и я передал ему свой «Пенк-KDDI», телефон, который брал на работу, потому что его металлическая отделка очень походила на отлив определенных сортов оружейной стали. Так он помогал мне сосредотачиваться. И вдобавок стильно выглядел.

Пилот раскрыл его, набрал номер, и через секунду целый полк пропел «Ле Буден»¹³ в кармане на плече его бронежилета. Он вынул из кармана свой «Сименс-M75», нажал красный иероглиф и положил телефон в карман, а мне протянул «Пенк».

– У вас есть мой номер. Чем быстрее, тем лучше. Из-за террористов воздушное пространство уже дважды закрывали. Если его снова закроют, я вам позвоню. Чтобы вы сами вернулись домой. Если хотите. Или ждите здесь. Сколько. Не могу сказать.

Да уж, чтобы я сам вернулся домой...

Двадцать пять километров до Сенчери-Сити. Почти десять до относительно безопасных мест, которые начинаются севернее бульвара Венис. Я не сомневался в том, что смогу пройти это расстояние целым и невредимым, но чтобы сделать это совсем наверняка, понадобились бы, пожалуй, целые сутки. Я бы чувствовал необходимость не высовываться без нужды. Мне представилось, как я, вывалившийся в грязи и траве, ползу на брюхе по канавам и коллекторам, часами выжидая на перекрестках, пока не удостоверюсь, что вероятность быть подстреленным снайпером, засевшим в ожидании, пока я выйду из укрытия, достаточно низка и позволяет мне отважиться на короткую перебежку.

¹³ «Ле Буден» – марш французского Иностранного легиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.